

Здесь вам не Сакраменто

Автор:

Анна Литвиновы

Здесь вам не Сакраменто

Анна и Сергей Литвиновы

Высокие страсти #4

Виктория Спесивцева готовилась к свадьбе – какая радость! Вдобавок удача не приходит одна: партнеры по работе решили наградить ее автомобилем. Однако едва Вика выехала на новенькой иномарке, как ее остановили полицейские и обнаружили в машине увесистый пакет с коричневым порошком. И тут для девушки начался настоящий кошмар: следственный изолятор, допросы, разрыв с женихом... Она еще не подозревала, что корни происходящего тянутся в далекое прошлое, где тесно переплелись судьбы трех друзей-инженеров, некогда ковавших космические победы советской страны...

Анна и Сергей Литвиновы

Здесь вам не Сакраменто

© Литвинова А. В., Литвинов С. В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Наши дни

Говорят, месть надо подавать холодной.

Но у меня просто физически нет времени, чтобы оттягивать блаженный миг расплаты.

Я могу тривиально не дожить до торжества возмездия.

Поэтому действовать надо немедленно, прямо сейчас.

Не очертя голову, разумеется. Тщательно всё обдумать, взвесить. Затем согласовать со всеми задействованными сторонами.

Но не тянуть, не жевать сопли. И приступать решительно и не откладывая.

Зато у неё, у той, кому я задумал отомстить, времени впереди – море. Хватит дней, и часов, и месяцев, и лет, чтобы помучиться. Пострадать над своей разбитой жизнью.

У неё всё ещё, ха, впереди.

Виктория Спесивцева

Свадьба! Свадьба!

Даже если ты встречаешься со своим избранником несколько лет; даже если ты просто умеренно любишь его и ценишь, а не обмираешь и не сходишь с ума; даже если событие это давно запланировано и подразумевается как переход на новый уровень в компьютерной игре, – всё равно редкое девичье сердце не бьётся учащённо от предвкушения грядущего бракосочетания.

Мой любимый Ярослав провёл меня этим летом.

Наша компания как раз искала новый офис, и босс, как всё самое трудное и извилистое, поручил откопать его мне. Когда я, бывает, пеняю начальнику на то, что он меня нагружает сверх меры, ответ у него один: «Тренируйся, со временем

займёшь моё место». Так и в случае с новым помещением: «Хозяйственные хлопоты есть неотъемлемая составляющая забот любого руководителя. Поэтому давай действуй, Вика, ищи нам новое пристанище – хорошее, удобное и недорогое».

И начались мои мытарства. Помещения, которые находились в центральных местах нашего замечательного города М. и выглядели удобными, оказывались дорогими. Те же, что были моей фирме по карману, производили впечатление такой дряни, что без слёз не вспомнишь. Ярик о моих поисках знал. Я его своими проблемами не то чтобы грузила, но обычно вводила в курс. Для чего ещё партнёр по жизни нужен, если не делиться с ним (в разумных объёмах) насущным и наболевшим! Вдобавок, когда свои вопросы с кем-то проговариваешь, то и решение лучше находится. Замечу также, что Ярик – парень неглупый и, хотя молодой, но с определёнными связями. Порой его советы и даже помощь бывают нелишними.

Мы с Яриком встречаемся уже пять лет. Но вместе не живём – то есть не ведём, говоря языком протоколов, совместное хозяйство. Он, случается, остаётся у меня ночевать – в неделю раз или два. Я приезжаю к нему гораздо реже – только когда родители его отбывают в отпуск или на дачу. Ярослав мой проживает с мамашей и папашей. У меня – своя прекрасная квартира в центре М., в сталинском доме, она досталась мне после безвременной смерти моей мамы. Я сделала в моём жилище современный ремонт. Ярик активно помогал, в том числе деньгами, поэтому отчасти считал квартиру как бы и своей тоже. И всё равно – до свадьбы я его жить к себе на постоянной основе не приглашала. Сказывалось, наверное, пуританское воспитание моей прабабки Елизаветы и её сестры, пратётки Евфросиньи. Молчаливо полагалось: вот когда он официально женится, тогда и на жилплощадь переедет.

И вот однажды, когда я в конце лета пребывала в активном поиске нового офиса, Ярик позвонил мне, страшно воодушевленный, и сказал, что нашёл помещение. «Место – прекрасное, как раз то, что вам надо, и недорого». Я стала выяснять у него детали, и оказалось, что какой-то его приятель сдаёт помещение на самом верхнем этаже «члена партии».

«Членом партии», или «зубом мудрости», называют в нашем городе офисное здание, которое начали возводить ещё до моего рождения, при коммунистах – там планировали разместить обком партии и другие партийно-советские структуры. Но потом случился путч, наступил капитализм, партия развалилась, а

здание так и осталось стоять без окон, без дверей. Несколько лет, покуда я росла, оно стояло недостроенным, пугало прохожих пустыми глазницами окон. Потом его купил один бизнесмен, долго доводил до ума, затем разорился, перепродал – или, не знаю, билдинг отобрали у него за долги. Объект пошёл по рукам, и наконец третий или четвёртый по счёту хозяин ввёл его таки в строй. Нынче туда заселились разнообразные офисы: стекло, бетон, панорамный (как пишут в буклетах) вид. А название в народе сохранилось прежним, с советских времён. Увековечили, так сказать, бывшую партию и её, с позволения сказать, членов.

– Но нам это место не по карману, – отбивалась я от Ярика, – тем более на верхнем этаже! – Я приценилась к зданию и знала, что тамошнюю аренду мы не потянем.

Но Ярослав убеждал: «Тот, кто сдаёт, мой старый друг. Грандиозную скидку вам сделает, ради меня». Короче, уговорил посмотреть помещение. Однажды среди рабочего дня я и отправилась.

При встрече, ещё внизу, у лифтов, меня смутило: почему один только Ярослав офис показывает – никакого ни риелтора, ни собственника. Я спросила, в чём дело, он наплёл в ответ с три короба. Я осведомилась о цене – Ярик назвал сумму раза в три меньше рыночной. «А ещё, – сказал, – здесь есть выход на крышу, можете его за свой счёт переоборудовать, будет у вас натуральный пентхауз. Пойдём посмотрим».

Мы поднялись на самую крышу «члена партии», откуда открывался божественный вид на весь город, и тут я всё поняла, потому что возле самых перил был накрыт белоснежной скатертью столик, на котором нас дожидалась «Вдова Клико» в ведёрке со льдом и два бокала, а в сторонке – официант в белом фраке и саксофонист в бабочке. Ярик опустил на одно колено и протянул мне бархатную коробочку. Я открыла – там было кольцо. Недешевое, как раз в две-три месячные Яриковы зарплаты, как советуют брачующимся гляцевые журналы. Саксофон грянул что-то берущее за душу, молодой человек прошептал: «Вика, выходи за меня замуж», – лёгкий ветерок шевелил белую скатерть – на что уж я девушка циничная, но и на мои глаза от волнительности момента навернулась слеза.

«Я согласна», – прошептала я как положено, и подумала: «Боже, неужели я и впрямь вскоре выйду замуж? Неужели карма, преследующая мою исключительно

женскую семью, наконец сломана?»

Впоследствии я старалась об этом не думать. Больше того: запрещала себе думать. Но подсознательно и против моего желания мысли время от времени сбивались в ту сторону. И невольно возникало: я убила Валерию Федоровну Кудимову и тем самым исправила карму – свою собственную и своей семьи.

Моя мама, Валентина Спесивцева, так ни разу и не вышла замуж, хотя успех имела сумасшедший. Вокруг неё вилось множество мужчин, особенно в молодости, и далеко не только мой отец, Виктор Ефимович Шербинский. Но папаня мой был официально женат на другой, разводиться не пожелал, поэтому марш Мендельсона для моей мамы ни разу, увы, не сыграли.

Равно как не прозвучал он и для моей бабки, Жанны Спесивцевой. Бабке вообще выпала из всего нашего женского семейства самая несчастливая судьба. В возрасте двадцати пяти лет, в октябре пятьдесят девятого, её убили. Убила – та самая Валерия Кудимова.

А до этого Жанна Спесивцева родила в пятьдесят четвёртом без мужа мою маму, оставила её на прабабку Елизавету и поехала покорять Москву – учиться и искать себе спутника жизни. Но нашла – удар кинжалом в сердце, который нанесла ей та самая Кудимова.

Вдобавок прабабка Елизавета (в итоге воспитавшая и вырастившая мать) – равно как и сестра её, пратётка Евфросинья – тоже прожили свои жизни без крепкого плеча рядом, но у них хоть оправдание есть: они молодели в то время, когда сильный пол в СССР выкашивали войны и репрессии.

И вот теперь, прошедшим летом, я нашла в столице убийцу моей бабки Жанны – ту самую Валерию Кудимову. Очень старую, почти восьмидесятилетнюю. Нашла – и погубила её. А почти сразу по возвращении из Москвы получила предложение руки и сердца.

Однако немедленно, как только мне приходили эти мысли, я ставила защиту. Я себе возражала: ведь формально я Кудимову не убивала. Да, я отыскала её, хоть это было сложно спустя пятьдесят с лишним лет. Да, я высказала ей в лицо всё, что я о ней думаю. Я пригрозила ей – не помню уж чем: черным пиаром, оглаской. Но я её даже пальцем не тронула. Не моя вина, что через пять минут

после нашего разговора она отбросила копыта[1 - Подробнее об этих событиях читайте в первых трёх книгах тетралогии «Высокие страсти» Анны и Сергея Литвиновых: «Исповедь чёрного человека», «Сердце Бога» и «Бойтесь данайцев, дары приносящих».]

Меня по этому поводу в столичной полиции допрашивали, и весьма жёстко.

Но после четырёх часов непрерывного на меня давления вынуждены были отступить. Потому что формально я ничего плохого не сделала. Мало ли почему Кудимовой плохо с сердцем стало! Может, она в том кафе слишком много кофе выпила. Возраст, знаете ли.

Но тем, что я её нашла, что всё, что о ней думаю, высказала, я карму свою почистила. И, как следствие, предложение руки и сердца от Ярослава получила.

Хотя, повторяю, я старалась об этом не думать. Гнала от себя эти мысли.

Свадьбу мы с Яриком назначили с запасом, чтобы и мы сами, и все гости приготовились и выстроили собственные планы – на будущее лето.

Однако в конце осени начались такие события, что мне стало совершенно не до бракосочетания.

Каждый, кто женился или выходил замуж, знает, как много всего нужно совершить, чтобы торжество произошло успешно. Костюм, платье, туфли и бельё для жениха с невестой. А кроме того:

причёски;

лимузин или лимузины;

приглашения;

ресторан;

тамада;

музыка, фотографии, видеосъёмка.

От одного только перечня голова может пойти кругом. А ведь держать ситуацию под контролем приходилось мне. У Ярика по любому поводу был один ответ: «Не надо истерить, само устроится». А мне приходилось не только к свадьбе готовиться, но и работать. С другой стороны, приближение бракосочетания настолько заряжало меня и вдохновляло, что все дела, общественные и личные, осуществлялись вдохновенно, одним махом. словно сама вселенная радовалась моей грядущей свадьбе и, будто по заказу, обрушивала на меня неожиданные приятнейшие события. То вдруг неизвестный поклонник пришлёт на работу букет из девяноста девяти роз (потом, правда, в содеянном расколется Ярик). То в местном ресторане нам подарят десерт и бутылку итальянского вина. То неожиданно моему начальнику придёт письмо от нашего постоянного партнёра, московского представительства немецкого концерна «Карибиэн»: «За успешное продвижение марок X, Y и Z (каких конкретно, не скажу, чтобы не делать им бесплатную рекламу), осуществляемое вашей фирмой, мы рады премировать руководителя группы продвижения марок X, Y и Z, Спесивцеву Викторию Викторовну, ценным подарком – автомобилем марки «Фольксваген Гольф». Просим Викторию Викторовну прибыть в Москву для получения приза в любое удобное для неё время (перелёт бизнес-классом и гостиница в столице оплачиваются нашей стороной). Планируется вручить автомобиль в торжественной обстановке, по окончании мероприятия намечается брифинг для представителей СМИ. В дальнейшем перегон указанного автомобиля из Москвы в М. предлагаем осуществить с помощью нашего сотрудника. Советуем также, в целях повышения лояльности потребителей к нашему концерну, вашей фирме и вышеуказанным маркам, X, Y и Z, повторить церемонию вручения приза в городе М., с освещением события в местных средствах массовой информации».

Ценные подарки, которые вручают региональным продавцам столичные фирмы и отделения международных компаний, – не новость. Директора компании, где трудится мой Ярик, партнёры за успешные продажи возили на футбольный чемпионат мира в Бразилию. А руководитель нашей фирмы до сих пор «мерсом» рулит, что ему немцы семь лет назад за рост объёмов продаж подарили. Значит, дошла и до меня очередь – мы действительно марки X, Y и Z здорово в нашем регионе продвинули, и, без ложной скромности, в том и впрямь имелась большая моя вина. Значит, заметили, думала я. Значит, заслужила. Значит, оценили.

Согласовали сроки поездки. От полёта в столицу бизнес-классом я, конечно, не отказалась, – а вот гостиницу брать не стала. У меня в Белокаменной собственная квартирка имеется – отцом, Шербинским Виктором Ефимовичем, подаренная. Пусть небольшая, однокомнатная, – зато почти в центре, недалеко от метро «Рижская», внутри третьего кольца. Ярик мой всё время ноет, что пора её сдавать, получать гарантированный ежемесячный доход, а я, хоть не возражаю ему по существу, но всё тяну, тяну. Очень радует меня сама мысль, что всегда есть где преклонить в столице голову. Вроде не чужая я в этом Вавилоне, где мамочка моя, покойница, почти двадцать лет отработала, меня родила – однако, в итоге, не прижилась.

Поехать со мной в Москву просился Ярик, но оплачивать билет в бизнес-класс ему жмотно показалось, а лететь обычным порядком, в то время как невеста в бизнесе, гордость не позволила. Да я, откровенно говоря, не очень его зазывала – раз уж выпала мне перед церемонией удача пробежаться в одиночестве, без обузы и нытья, по столичным магазинам.

Полёт бизнесом, с пледиком, икрой и шампанским, словно задал мне высокую и ласковую ноту для моего праздничного, выигрышного визита в столицу.

Сначала я заехала к себе домой на «Рижскую». Затем отправилась в торговый комплекс «Юнивер-Сити» и там чрезвычайно удачно купила коктейльное платье и туфли. Оттуда такси привезло меня в центровой салон «Ренуар» (записалась я заранее, из М. по Интернету), где меня очень качественно, хотя и дико дорого, причесали, уложили и сделали маникюрчик. Словом, на акцию дарения я в концерт «Карибиэн» прибыла вся такая эффектная и победительная. Там лично познакомилась с Павликом Замятиным – сотрудником, с которым я до того, по электронке и телефону, держала контакт, согласовывая детали поездки и вручения. Павлик оказался молодым, милым, правда, несколько вертлявым и себе на уме. Он был чрезвычайно, до приторности, предупредительным и сказал, что на ближайшие несколько дней поступает в полное моё распоряжение. После мероприятия, назавтра, мы на подаренном мне авто вместе с ним выедем в мой родной М. и там устроим, как он выразился, «репит нашего шухера» – то есть вручение приза под объективами нашей местной м-ской прессы (если она соблаговолит прийти).

Наконец наступил торжественный момент, и я насладилась своими пятнадцатью минутами славы, чувствуя себя в центре внимания и вообще звездой. Сам заместитель руководителя концерна «Карибиэн» и директор по Восточной

Европе герр Вольфганг Мюллер жал мне руку и вручал ключи от авто, цветы, грамоту и документы. Процедуру снимали даже трое или четверо фотографов и одна видеокамера: я с Мюллером, я с авто, мы с Мюллером и авто. И хоть я не сомневалась, что пресса присутствует только корпоративная (от концерна да от «Фольксвагена» и, в крайнем случае, какие-нибудь сетевые издания), всё равно купаться в свете вспышек и софитов мне, не скрою, было чрезвычайно приятно. Затем последовал фуршет, где самые разные люди, милые и принаряженные, чокались со мной шампанским и радовались моему выигрышу. Неподалёку вертелся Павлик – временами он подлетал ко мне и вроде бы полушутя приговаривал: «Ведём себя хорошо, не напиваемся, нам завтра в дорогу, гоним авто в М.».

Потом он вызвал для меня такси, и мы договорились, что завтра он прибудет к моему подъезду в районе «Рижской» на выигранном авто, чтобы следовать вместе ко мне на родину. Стартовать решили в восемь ноль-ноль – по моей просьбе: терпеть не могу ранние, затемно, подъёмы. Да, есть любители пускаться в дальнюю дорогу, выгадывая трафик, в четыре утра – и потом, в пути, весь день мучиться, при каждом удобном случае задрёмывая (хорошо, если не за рулём). До нашего города по автодороге восемьсот двадцать километров – к ночи мы всяко должны доехать.

На следующее утро, точно в указанное время, снизу блямкнул домофон. Я присела на дорожку и попрощалась со своей московской квартирой до следующей оказии. Через десять минут вышла и бросила в багажник свою сумку. Мне не терпелось усестись за руль, но Павлик предложил: «Давай я выведу нас из города, по пробкам, а потом шофёрить будешь ты» – и я согласилась. В салоне восхитительно пахло новым авто. Сиденья ещё были в полиэтиленовых чехлах. Одометр показывал сорок километров. Пока мы ехали по третьему кольцу, а потом по шоссе Энтузиастов до МКАДа, я проверила лежащие в бардачке документы. Всё в порядке, я значилась владелицей авто, также имелась страховка, ОСАГО и КАСКО, на моё имя. На заправке, где-то в Балашихе, мы с Павликом поменялись местами. «Ну, ты рули, а я вздремну», – молвил он, разложил пассажирское кресло и вытянул ноги.

Наконец-то я была за рулём! «Гольф» оказался очень послушным и приёмыстым. Жаль, по Владимирскому тракту не сильно разгонишься: то светофоры, то населённые пункты или фуры под ногами болтаются. Павлик рядом мирно посапывал. И только где-то под Ногинском я разогналась до ста, как из-за кустов вдруг возник «гаец» с полосатой палочкой. Я чертыхнулась, затормозила,

остановилась, сдала назад, к нему поближе. Вроде бы ничего я не нарушила, подумаешь, скорость выше на десяточку – или я знак не заметила или указатель какого-то городка? Патрульный не спеша подошёл, вразвалочку.

Отрекомендовался. Я протянула ему документы. Сказала весело: «Вы у меня первый. На этой машине, я имею в виду». Полисмен глянул букой и отшучиваться в ответ не стал. Но даже в тот момент я ничего не предчувствовала, врать не буду.

Гаишник ушёл с моими документами в свою машину. На соседнем сиденье завозился и проснулся Павлик. Спросил, что такое. «Остановили за превышение». – «Могла бы не гонять, – буркнул он. – Спать мешаешь». Всё происходило рутинно и обыденно, но потом, потихоньку, стало наползать неладное. Сначала из полицейской таратайки вышел не один только остановивший меня мент, а вместе с ним ещё сразу четверо штатских. Они проследовали к моей машине свиньёй: полицейский впереди, за ним, парами, эти четверо в кожанках и пальто.

– Пожалуйста, выйдите из машины, – очень вежливо попросил меня полицейский, – и спутника вашего тоже попрошу освободить транспортное средство.

Мы с Павликом покинули авто.

Один из четверых штатских вдруг обратился ко мне: «Виктория Викторовна, предлагаю вам добровольно сдать имеющиеся при вас наркотикосодержащие вещества». Я сочла это шуткой дурного пошиба и усмехнулась: «Вы о булочке с маком, что ли? Так я её за завтраком съела». Шутка не была принята, лица всех пятерых, включая полицейского, остались каменными и даже ещё больше, как показалось, заостренились. Один из штатских вдруг достал видеокамеру и начал снимать происходящее. Другой проговорил: «Тогда просим вас добровольно предъявить к досмотру принадлежащие вам вещи и транспортное средство».

– Ерунда какая-то! – в сердцах воскликнула я. – Мне только вчера эту машину подарили. Но ради бога, смотрите.

Тут, я даже не заметила откуда, возник ещё один полицейский в форме, а с ним двое гражданских: тётка в платочке и мужик в кожанке. В итоге нас у машины образовалась целая толпа. Распоряжался всем мужчина в штатском – молодой,

лет тридцати пяти. Разговаривал он со мной подчёркнуто вежливо: «Виктория Викторовна, пожалуйста, откройте багажник». И, в сторону тётки с дядькой: «Понятые, подойдите ближе». Я распахнула заднюю дверцу. В чистейшем, новейшем багажном отделении лежали две дорожные сумки – моя и Павлика.

– Виктория Викторовна, это ваши вещи?

– Одна моя, другая моего спутника.

– Пожалуйста, достаньте и подготовьте их к досмотру.

– Лучше этим ухарям сейчас не перечить, а потом жалобу на них накатать, – углом рта проговорил Павлик и первым достал свою сумку, а потом переставил её на полиэтиленовую плёнку, которую кто-то из мужчин заботливо расстелил на обочине. Я была готова возмутиться произволом, но – он меня убедил – повторила движение своего спутника: вынула сумку и тоже поставила на полиэтилен. Но открыть наш багаж нас даже не попросили. Мужик, который всем командовал, распорядился: «Виктория Викторовна, поднимите полочку». Отделанное велюром днище багажника «Гольфа» поднималось – под ним располагался домкрат и запасное колесо. Следуя указаниям, я машинально приподняла пол.

Конечно, сейчас, наученная горчайшим опытом, я понимаю, что ни в коем случае не нужно мне было этого делать – равно как и всего, что за этим последовало. Но я была сбита с толку уверенным и обходительным распоряжением мужчины, который руководил процессом, равно как и советом моего спутника не перечить. Поэтому, не ожидая подвоха, я подняла пол. Там, помимо тускло мерцавших в своих гнездах запаски, домкрата и баллонного ключа, имелся ещё один предмет, сразу обращавший на себя внимание и ни в коей мере к автомобильным устройствам не относившийся. А именно: белый полиэтиленовый пакет, маркированный универсамом «Пятёрочка».

– Достаньте, пожалуйста, сумку, – обратился ко мне мужчина. Сработало и то, что я трижды до этого выполнила его команды – и то, что Павлик посоветовал мне не артачиться. Я на автопилоте вытащила сумочку. Внутри лежало что-то небольшое и не тяжёлое.

– Раскройте. Понятые, подойдите поближе. – Дядька в кожанке и тётка в платочке вытянули шеи, выглядывая, что находится внутри. Вплотную к нам влез мужик с видеокамерой, непрерывно снимающий происходящее. И только тут я увидела внутри белого пакета небольшой, как полкило сахара или крупы, чёрный полиэтиленовый свёрток, туго перетянутый скотчем. «Понятые, прошу обратить ваше внимание», – проговорил мужчина. А другой: «Гражданка Спесивцева, этот пакет принадлежит вам?»

И тут только я воскликнула:

– Нет! Я понятия не имею, что это! И как этот свёрток здесь оказался! Он вообще не мой! – и выронила пакет из «Пятёрочки» себе под ноги.

Но было уже поздно.

С этого момента моя жизнь, которая ещё сегодня с утра казалась счастливой, безоблачной и многообещающей, стала быстро превращаться в кромешный ад.

Юрий Владиславович Иноземцев

Когда Юра прилетал в Москву, его всякий раз встречал отец.

Впрочем, встречал – слово не совсем точное. Когда Иноземцев-младший приземлялся и проходил паспортный контроль, он должен был послать Иноземцеву-старшему эсэмэску. И тогда Владислав Дмитриевич, коротающий время где-то на обочине, въезжал, чтобы не платить за парковку, на территорию аэропорта и из зоны drop-off – как это будет по-русски, быстрой высадки? – подхватывал сына, вышедшего с багажом из аэровокзала. Всякий раз Юра пытался втолковать отцу, что доберётся домой сам, на такси или аэроэкспрессе, и всякий раз папаня обижался и говорил, что тот совсем буржуином в своей Америке стал и денег не считает. А отец денежки экономил – как все пенсионеры, не только российские.

Впрочем, у русских – точнее, у русскоязычных, или в бывших советских, – даже в Америке особенно заметна тяга ловчить, вилять, выгадывать на грош пятаков. Юра с неприязнью замечал это, и ему за недавних соотечественников становилось стыдно. Причём ловчили, как правило, не коренные русаки – те

зачастую оставались людьми широкими и на чужбине. Если преуспевали, то на всю ивановскую. Если концы с концами сводили – то опускались до полной нищеты. Химичили обычно выходцы из бывшего СССР, принадлежащие к другим нациям и народностям, – однако то-то и обидно, все они на Западе, чохом и без разбора, именовались русскими. И неприятный отсвет чужих выкрутасов падал, выходит, и на Юрину честную репутацию.

К примеру, в Калифорнии – штате, где он постоянно проживал, – на автомагистралях разрешалось движение по крайне левому, скоростному ряду только тем машинам, в коих находилось более одного пассажира. И вот наши бывшие соотечественники, чтобы получить привилегию быстрой езды, сажали рядом с собой на пассажирское сиденье манекен или куклу из секс-шопа. Пришлось даже американцам, чтобы их разоблачить, особо чувствительные камеры применять – инфракрасные, что ли.

Или взять другой финт, на который почему-то именно выходцы из СССР оказались горазды: к сбору клубники в Калифорнийштине привлекали всех желающих. Можно поесть от пуза и вывезти с плантации сколько хочешь, по божеской цене – примерно доллар за фунт. Но штука в том, как организован был учёт: машину взвешивали до заезда на поля и после. За тот вес, на который стала тяжелее машина, ты и платил. И вот Russians – к сожалению, они все, пришельцы из бывшего Союза, звались там «рашенс» – додумались приезжать на сбор ягоды, нагрузив в багажник камней. На поле булыжники втихаря выкидывали, вместо них закладывали клубничку, платили три копейки и уезжали, довольные, что плантаторов провели.

В своё время, в конце восьмидесятых, когда Юра только начинал адаптироваться к Америке, его приятель, в ту пору молодой аспирант из Москвы, твердил, что перед бывшими советскими людьми при капитализме простирается великое будущее. «Самые умные собаки – кто? – говаривал он. – Кого в космос запускали? Беспородные, дворняги. Вот так и мы, выходцы из СССР, – дворняги человечества. Самые смышлёные, самые сметливые и ловкие. За нами будущее». Тогда Юра с приятелем соглашался, но теперь, насмотревшись на сотни неправедных состояний, сколоченных в России и за её пределами, полагал, что товарищ не учитывал, что бездомные псы, помимо смышлёности, иными качествами обладают: они самые наглые, дерзкие и беспардонные.

Однако, несмотря на очень трезвое отношение к народу российскому и особенно его властителям, Иноземцев-младший Родину свою любил – тосковал о ней,

переживал, скучал. И когда садился в самолёт, везущий его в Москву, в первый момент бывал радостно оглушён своим, родным, сладостным и прекрасным – русским языком. Даже чудно становилось в первый момент: значит, я скажу что-нибудь по-русски, и все поймут? А как же моя приватность? И второе приятное удивление, начинавшееся ещё в аэропорту Лос-Анджелеса: как много оказывалось на рейсе, следующем в Первопрестольную, красивых женщин – стильно одетых, милых, подтянутых!

Одновременно, правда, нарастало разочарование: толкнуть и не извиниться, не попросить, а пролезть – это ведь тоже было наше, российское. Когда самолёт, летевший в Москву, рулил по американской земле, а потом летел над северными просторами и океаном, ещё сохранялась тонкая плёночка из «экскьюз ми», «сорри», «плиз» и «сенкью». На подлёте к Шереметьеву она истончалась, а при приземлении исчезала совсем. И первое впечатление от аэропорта тоже было тягостное: агрессия, как и угрюмость, была разлита здесь в воздухе. Как и тридцать лет назад: поджатые губы, суровые лица. Впрочем, Иноземцев-младший очень хорошо понимал, что за всеми этими строгими масками, неприступной очередью к оконцам паспортного контроля или у ленты выдачи багажа кроются, как правило, милейшие люди. Стоит только подружиться с ними или хотя бы разговорить их, и большинство будет готово дать тебе и кров, и стол, и любую возможную помощь.

Ошалевший от ночного перелёта, отбиваясь от атакующих его таксистов, Юра вышел из здания аэровокзала. После калифорнийского ноябрьского почти лета его охватила морось, холодный московский туман, в котором терялось даже здание расположенной рядом многоэтажной парковки. Отец подрулил на своём авто, включил аварийку, выскочил из-за руля. И как при каждой встрече – а виделись они, слава богу, регулярно, в последнее время раз в год или Иноземцев-младший возвращался на Родину, или старший за океан летал – Юра подумал: а ведь он постарел. Чёрточки увядания множились при каждой встрече: чуть сутулее становились плечи, чуть седее и реже волосы, чуть больше морщин, чуть замедленней движения. Точно так же некогда, приезжая раз в год на каникулы к бабушке Тоне и деду Аркадию, Юра с грустью ловил печальные приметы старения в них и невольно думал: «Не дай бог, мы встречаемся сейчас в последний раз!» И в один несчастный день – правда, он наступил не скоро, гораздо позже, чем думалось, – не стало сначала деда Аркаши, а потом и бабушки Тони. А он оба раза даже на похороны не смог вырваться: элементарно не было тогда ни цента лишнего на незапланированный спешный перелёт туда-обратно – в Америке, особенно поначалу, жизнь его поприжала.

Выехали через шлагбаумы аэропорта. Отец заметно порадовался, что с него не взяли сто рублей за парковку. Юра глазел по сторонам и привычно поражался и тому, как много стало в столице больших и дорогих машин, и тому, какие они здесь грязные. Вдобавок ездили соотечественники крайне агрессивно, без нужды подрезая и обгоняя друг друга. Увы, по первости за окно лучше даже не смотреть. И он погладил сидящего за рулём отца по плечу:

– Как ты? Как самочувствие?

– Самочувствие бодрое, идём ко дну, – привычно отшутился Иноземцев-старший.

– Как мама?

– Тебе лучше знать. Ты же в курсе, мы с ней практически не общаемся.

Владик и Галя расстались в шестьдесят третьем, когда Юра был ещё крошкой. И теперь, наезжая в Россию, Иноземцев-младший обычно останавливался у отца. Мачеха Марина умерла в середине девяностых, и Иноземцев-старший жил бобылём. Свою квартиру в подмосковном Калининграде, теперь Королёве, они с мачехой в конце советских времён сменяли на Москву и жили на улице Дмитрия Ульянова. Маманя размещалась рядом, на Ленинском, но проживала с отчимом, и поэтому Иноземцев-младший предпочитал, выбираясь в Белокаменную, квартировать у отца, а к матери наведываться в гости. Когда он сидел в своей Калифорнии, то издали, за тысячи миль, казалось, что отец и мать обретаются практически рядом друг с другом и чуть не каждый день должны сталкиваться. Отец усмехнулся: «Мы с мамой встречаемся, как правило, на поминках – когда общий знакомый помирает».

– Как там дядя Радий?

– Говорит, что прекрасно. Твоя бывшая тёща, Эльвира, от него ушла, ты знаешь. Выкинула фортель – уехала в Германию.

– Он меня так и не простил?

– Да чего там говорить, простил – не простил, ведь тридцать лет прошло. Наверно, простил. Радий – мужик широкий.

– Как Сенька?

– Сына твоего, – с нажимом произнёс отец, – я не вижу. Названивает он мне два раза в год, на день рождения и на Новый год. И то хлеб.

Юра решил оставить эту тему. Ни отец, ни мать, ни бывший тесть Радий, ни, тем более, экс-тёщенька Эльвира не могли простить Иноземцеву-младшему, что он бросил свою первую жену Марию. И сыну Сеньке крайне мало внимания уделял. Хотя помогал, конечно. При первой возможности из Штатов деньги ему стал присылать, а когда в Союзе ещё всё плохо было – вещи отправлял и даже, с оказией, продукты. Потом, когда сам немного встал на ноги, у себя пару раз в Калифорнии сына принимал, летнюю школу в Америке ему оплатил. Хотя нечего говорить: если разбираться, перед сыном от первой жены он, конечно, оставался в долгу.

Но как он мог ему больше внимания уделять? Юра уехал в Штаты в восемьдесят восьмом, и первые годы, после начальной эйфории, были там для него настоящей борьбой за выживание. Вся страна, весь Советский Союз к капитализму принялся приспосабливаться в девяносто первом – а он, в Штатах, на три года раньше. Вдобавок ему, в отличие от тех, кто остался здесь, приходилось язык учить и подделываться к тамошним нравам. И если в бывшем СССР новое общество в девяностые строилось на пустом месте – и магазины нормальные только нарождались, и фирмы, и банки, – то Иноземцеву-младшему надо было за океаном ввинчиваться в уже устоявшуюся жизнь, отвоёвывать чье-то место, кого-то оттеснять. В иные годы чуть не до нищенства доходило. Только через десятилетие, к концу девяностых, Юра более-менее устойчиво почувствовал себя в жизни. И то до сих пор успокоения никакого нет – он хорошо понимает: стоит ему только ослабить хватку, снизить ритм или уменьшить обороты – можно не сомневаться: выкинут или сомнут.

Отец заплатил за проезд по новой платной трассе из аэропорта двести рублей и выругался: «Вот собаки, деньги стали драть на каждом шагу – да такие огромные! У вас там тоже проезд всюду платный?»

– В Калифорнии почти нет, – помотал головой Юрий. – Это в основном на Восточном побережье приходится раскошелиться. Нью-Йорк, Бостон, Вашингтон – там дерут.

– А как ты-то сам? – осведомился Владислав Дмитриевич. – На вид совсем американцем заделался: поджарый, краснолицый, улыбающийся.

– Ох, папочка, это только на вид. К эмигрантам в Америке отношение, в принципе, хорошее – лучше, чем где бы то ни было, никто не ворчит, что «понаехали». Но всё равно мы для них чужаки, плохо говорящие по-английски, и фамилии наши никто и никогда, кроме своего брата-русака, правильно не произносит. – Он передразнил заокеанский выговор: – Юрий Йинасемсев.

– Так возвращайся! – вскричал отец.

– Всё не так просто, – помотал головой Юра. – А работа? Супруга? Дети? Там у меня всё уже, худо-бедно, устроилось-устаканилось.

– Ладно, сын, поговорим ещё об этом. А ты что во внеурочное время приехал? Ведь не собирался? – спросил отец. – И учебный год сейчас. Или случилось что?

– Да, – покивал Иноземцев-младший, – случилось.

– А что? Расскажешь?

– О, это долгая история, – вздохнул Юра.

1977 год

Юрий Иноземцев

Когда он рос, его родители, Галя и Владислав Иноземцевы, работали и налаживали свою личную жизнь.

Причём – каждый свою.

Как миллионы других советских детей, Юру Иноземцева воспитывала бабушка. И её, Антонину Дмитриевну, он любил, пожалуй, больше, чем других взрослых на свете. Даже, наверное, сильнее, чем мать или отца. А ещё обожал деда, Аркадия

Матвеевича, который, однако, был не родным его дедом, а папиным отчимом, но всё равно души в своём Юрочке не чаял. Как и внучек в нём.

Антонина Дмитриевна и Аркадий Матвеевич были дедами со стороны отца, Владислава Иноземцева. Имелась ещё бабушка с маминой стороны, жила в Воронежской области, наезжала в Москву, но она скоропостижно скончалась, когда Юре было лет семь, и он её почти не помнил.

А Антонина Дмитриевна с Аркадием Матвеевичем забирали Юрочку к себе в Энск при каждом удобном случае. Вдруг в московском садике объявляют карантин, и мама выхватывает его из дошкольного учреждения и мчит через полстраны сдавать бабушке и деду. Или Галя с отчимом едут отдохнуть на юг в санаторий, у папы Владика в разгаре роман с новой женой – и снова на выручку приходят ба и дед (как Юрочка их называл). Не говоря уж о том, что все летние каникулы проводил у них в Энске, а порой даже в школу там ходил. Так случилось, например, в семидесятом, когда Энск и прилегающие территории объявили закрытой зоной из-за холеры, и Юра стал у Антонины Дмитриевны и Аркадия Матвеевича учиться в четвёртом классе. А спустя пару лет мама поехала на Кубу – преподавать и подзаработать, и снова его отправили в сладкую ссылку к ба и деду.

В детстве Юрочка ничего не знал о маминой судьбе – что она готовилась-тренировалась к полёту в космос, а потом ушла из полка подготовки космонавтов. Знал одно: папа Владик занимается чем-то ужасно секретным, космическим. Как все дети, рождённые в конце пятидесятых – начале шестидесятых, Юра, хоть и не мечтал сам стать космонавтом, но к советским звёздным достижениям питал большой пиетет. Даже вырезал из газет и наклеивал в альбом сообщения ТАСС о запусках наших ракет. Очень ему понравилось, когда зимой шестьдесят девятого отправили корабль с одним Шаталовым на борту; потом второй, где летело трое, Воынов, Хрунов и Елисеев, а потом они состыковались, и двое из второго корабля через открытый космос перешли в первый и на нём успешно вернулись на Землю. А потом благополучно сел на Землю оставшийся в одиночестве Воынов. Очень это походило на эффектный трюк, цирковой номер. Завораживающе выглядело и ярко. Вот только папа (Юрочка как раз гостил у него в подмосковном Калининграде[2 - С 1996 года – город Королёв.]) в тот вечер пришёл домой подвыпившим и по поводу полёта схохмил, переиначивая фамилии участников звёздной экспедиции: «Шатались-шатались, воынили-воынили, пороли хруновину и еле-еле сели».

Юра тогда страшно разобидился на отца за столь неуважительное отношение к нашим победам, и только почти через двадцать лет, когда станет работать над очерком об оборотной стороне наших космических достижений, узнает, что прав был всё-таки отец, а не бравурные сообщения ТАСС. В той экспедиции хватало отказов и аварий, и только чудом не сгорел в атмосфере при посадке Борис Волинов. А при встрече космонавтов машину с ними обстреляет у Боровицких ворот Кремля больной на всю голову лейтенант Ильин. Переодетый в милицейскую форму, он будет целить в Брежнева, выпустит едва ли не два магазина из двух пистолетов, но убьёт шофёра и ранит охранника. Однако ни о покушении, ни о едва не погибшем Волинове родители девятилетнему Юрочке тогда не расскажут.

Однако судьба нанесёт ему удар в том же шестьдесят девятом: когда американские астронавты – они, как обидно, оказались первыми! – ступят на поверхность Луны. Советское телевидение, единственное из всех, никаких прямых репортажей с поверхности естественного спутника не вело, но совсем обойти вниманием полёт наши средства массовой информации не могли: на третьей странице «Правда» печатала маленькие заметочки об экспедиции. На всю жизнь Иноземцев-младший запомнит: жаркое лето в Энске, где-то далеко в небесах летит к Селене американский «Аполлон», и его собственное страстное мальчишеское чувство: нет, не чтобы американцы погибли, но пусть у них хоть что-то сломается, и не они, а всё-таки наши первыми ступят на поверхность небесной соседки Земли! Но нет, ничего у штатников не сломалось, и высадку Армстронга на поверхность естественного спутника даже показали (правда, в записи), к жгучей досаде Юры, в советских телевизионных новостях.

Самое взросление Юрия, рождённого в марте шестидесятого, пришлось на семидесятые годы. Он рос и мужал, а вокруг него шумел, пел и пил могучий, как казалось, нерушимый и крепкий Советский Союз. Тогда Юрочка не замечал этого, но теперь, задним числом, вспоминалось очевидное: каждый последующий год в «эсэсэсэрии» становился хуже предшествующего. Пусть маленько, но хуже.

Меньше становилось веры в идеалы, энтузиазма и продуктов. Больше – цинизма, пустопорожних речей и восхвалений. Длиннее делались очереди. Больше люди пили. Циничней становились анекдоты. Скучнее фильмы и газеты. Всё больше людей выдворяли из страны, или они уезжали сами. Да какие люди! В начале восьмидесятых со страной простились если не самые лучшие, то самые талантливые. Любимов, Тарковский, Аксёнов.

Советский Союз был как раковый больной в отсутствие диагноза. И хорохорится, и бодрится, и даже огрызается, а внутри ему неможется, тянет, сосёт, давит – и непонятно, почему, и что с ним, и от непонятной этой внутренней боли и тоски хочется то ли напиться, то ли удавиться. Хотя, на самом деле, где-то там, на небесах, диагноз уже поставлен, и срок отмерен, и грозный день кончины определён – и он так близко, но никто здесь, на земле, об этом ещё не знает.

Если померить времена хотя бы пошлым, но простым способом – по наличию доступного продовольствия, к примеру, – то да, брежневскому Союзу становилось всё хуже. И если году в шестьдесят девятом (Юрочке девять) бабушка в провинциальном Энске посылала его в магазин, находившийся тут же, в доме, где они жили (он так и звался в обиходе – «наш»), и он мог купить там сливочного масла, колбасы «докторской» или «любительской», а временами даже полукопченной, или банку вкуснейшей гречневой каши с тушёнкой, то к семьдесят девятому (Юре девятнадцать) это скромное изобилие из «нашего магазина» (равно как из прочих торговых точек города, как из тысяч аналогичных по всей стране, от Ужгорода до Кушки и от Камчатки до Калининграда) неизвестно куда испарилось. Только хлеб да соль продавались без перебоев, а также серые макароны, манная, пшённая и перловая крупы, овсянка.

Всякий раз, когда Юрочка на каникулы (будучи старшим школьником и студентом) выезжал в Энск, он вёз с собой неподъёмную поклажу продуктов. В специальной сумке-холодильнике доставлял мясо, масло и колбасу, замороженную венгерскую курицу, в чемодане тащил тушёнку и растворимый кофе. Москву (равно как Ленинград и столицы союзных республик) продуктами всё-таки ещё снабжали – оттуда поезда и электрички растаскивали провизию по городам и весям.

В провинции, впрочем, пытались наладить подобие социальной справедливости. Дед Аркадий Матвеевич числился ветераном войны. Ветеранам полагалась особая пайка. Раз в месяц можно было отправиться на троллейбусе на другой конец города и приобрести пару килограммов костистого мяса и кило пресловутого коровьего масла. Дед никогда не высказывался ни в скептическом, ни, тем более, в хвалительном духе по поводу неслыханной щедрости советской власти. Давали – брал. Как и билеты на поезд или самолёт (а с ними тоже, как и со всем на свете, были проблемы) для Юрочки без очереди по ветеранскому удостоверению покупал. Крохи эти, как думал Юра, явились запоздалым и неловким извинением со стороны империи за все те подлости, что она с дедом

сотворила. Сначала бросила его в сорок первом в мясорубку подо Ржевом, потом, когда он попал в плен, от него отреклась. А когда Аркадий Матвеевич каким-то чудом выжил, проведя в фашистском плену почти четыре года, она сначала, на радостях от победы, добытой народом, отпустила его в сорок пятом: иди, гуляй, нету к тебе претензий. А потом, в сорок седьмом, словно кот, играющий с мышью, хватъ, и цапнула его, и впаяла десять лет лагерей. И снова чудом выжил дед, и вышел, по милости Хрущёва, в пятьдесят пятом, и вернулся, и был реабилитирован, и создал семью. Детей только не заимел – поздно. И неродного внука Юрочку любил крепче, чем если б тот был своим.

Весил дед всю жизнь, при росте метр семьдесят пять, пятьдесят три килограмма: кожа да кости. И крошки хлебные с обеденного стола обязательно смахивал в ладонь и отправлял себе в рот. И когда по городу прогуливался, обе руки, по лагерной привычке, закладывал за спину.

Но всё это так видится теперь, задним числом, из заграничного далёка, а тогда, в конце семидесятых, Юра не думал, конечно, даже представить не мог, что социализм в СССР обречён и скоро рассыплется, как карточный домик. Напротив, казалось ему (как старательно внушали средства пропаганды, от газет до лекторов общества «Знание»): сейчас мы немного от капитализма отстаём, лет на пятнадцать-двадцать. Это потому, что тяжелейшую Великую Отечественную войну пережили (на своей территории), а американцы за океаном отсиживались. Но мы, всем Советским Союзом, навалимся, будем трудиться, дружно и хорошо, каждый на своём рабочем месте, и годков через десять-пятнадцать достигнем уровня западных немцев, французов и американцев, то есть никаких проблем не станет с провизией и промтоварами. Будем джинсы и мясо покупать в любом магазине. Правда, о том, что западники не будут все эти годы топтаться на месте, а станут двигаться вперёд, лекторы общества «Знание» старались не упоминать, а Юра старался не думать.

Но всё равно юность и молодость запомнились как прекрасное время. Когда Юра заканчивал восьмой класс, маме предложили отправиться преподавать в Германскую Демократическую Республику, в Лейпциг, на три года. Ехать или не ехать, вопроса не возникало. Конечно, ехать! Люди жизнь на это в СССР клали, готовы были всех вокруг перекусать и потопить, лишь бы только оказаться за рубежами нашей родины. Ведь оплата труда советского человека за кордоном шла в чеках и сертификатах! И это была почти иностранная валюта! Можно было вполне свободно за три года накопить на машину да купить не простые «Жигули», а экспортный вариант, «Ладу», которая качеством обычные машины

превосходила. Можно и себя, и всю семью обеспечить импортным барахлом до конца жизни! Да и просто пожить в стране, где нет очередей и можно совершенно свободно заказать в кафе всего один бокал пива или чашку кофе, и официант не обольёт тебя презрением. Вдобавок попутешествовать хотелось, мир повидать, пусть и ограниченно социалистический. Конечно, мама Галя мечтала ехать – равно как и её новый муж, Николай Петрович. Но вставал вопрос: что делать с Юрочкой? Впереди у него – два самых ответственных класса: девятый и десятый. Ехать с мамой в Лейпциг? А поступление в институт? Подготовительные курсы, репетиторы (если понадобятся)?

Созвали семейный совет, на котором сошлись, чуть не впервые со времён своего расставания в конце шестьдесят третьего, мама Галина, отец Владислав и их нынешние половинки: отчим Николай Петрович и мачеха Марина. В результате заседания решили: мальчик переедет пока к отцу, в подмосковный Калининград. К маме в ГДР будет ездить на каникулы. Да и она на побывку на Родину станет наезжать. А Калининград от столицы рукой подать. Можно в прежней школе остаться. Ездить на уроки на электричке. Никакой опаски, что четырнадцатилетний отрок в одиночку будет проезжать пол-Москвы и Подмосковья, ни у кого тогда не возникало. И в институт Юрочка сможет ездить на дополнительные занятия. К тому же отец, проживающий бок о бок с сыном, всегда сможет помочь с физикой-математикой.

Вопроса, куда Юра будет поступать, никто даже не задавал. Как-то молчаливо считалось, что пойдёт он по стопам папаши – в авиационный. С естественными науками у него всегда порядок был. Твёрдые четвёрки, порой вытягиваемые совместными усилиями с учителями до пятёрок. А детский интерес к советским космическим победам взрослыми воспринимался как увлечённость будущей профессией.

Но у самого Юрия оказались иные жизненные планы. Началось всё, как многое в его судьбе, в Энске, в квартире бабушки и дедушки. Лето семьдесят пятого года, закончен восьмой класс. На околоземной орбите летают и стыкуются советский корабль «Союз» и американский «Аполлон». В табачных киосках появляются одноимённые сигареты. Социалистическая пропаганда, всю жизнь, при каждом удобном случае клеймившая заокеанский империализм и стервятников из Пентагона, на пару месяцев притихает. Юра смотрит, конечно, телевизор, транслирующий картинку с орбиты и улыбающихся наших космонавтов в обнимку с американскими астронавтами, но всё равно это совсем не так интересно, как Луна. Какое-то ощущение повторения давно пройденного и

выученного урока, гальванизации старых побед.

Город Энск летом от жары вымирает. Старый уютный двор, окружённый сталинскими домами, расположенными покоем, почти пуст. Полощется на верёвках бельё. В тени под лавочками спят кошки.

Друзей у Юры в Энске летом нет. Все разъехались по пионерлагерям, по бабушкам. Он просиживает на балконе в шезлонге (его самостоятельно сконструировал и сделал из брезента и деревяшек дед). Много читает. Бабушка Тоня давно на пенсии, но связи в библиотеке, где она отработала полжизни, сохранились. Юре оставляют самые лакомые книжки. Библиотеку современной фантастики, например. Однотомник Артура Хейли: «Отель» и «Аэропорт». Современный зарубежный детектив. Бабушка не теряет надежды приохотить его к настоящей литературе – в её понимании это Тургенев и Салтыков-Щедрин. Юра про себя морщится: всё, что входит в школьную программу, для него скучища и преснятина-обязаловка. Но вот он вдруг берётся за тоненькую книжицу – Валентин Катаев, «Трава забвенья». Читает запоем, и ему нравится, и он понимает разом, одновременно две вещи: во-первых, что это настоящая литература. И, во-вторых, что он хочет так писать сам. Хочет – и может.

И немедленно садится писать – разумеется, роман. Не реалистический, конечно, а фантастику – но тем не менее. Пишет в школьных тетрадках за две копейки. Исписывает тетрадей двенадцать. Роман несётся галопом, переваливает за середину – но тут кончаются каникулы.

Юра возвращается в Москву – точнее, к отцу и мачехе в подмосковный Калининград. Дает почитать произведение закадычным друзьям по школе. Те в восторге: «А что дальше будет?» Но тут другие дела, далеко не литературные, будоражат пятнадцатилетнего Юрия. Мама с отчимом, уезжая в ГДР, оставляют ему ключи от своей квартиры на Ленинском проспекте: поливать цветочки и чтобы было где передохнуть после школы и перед подготовительными курсами. Мама Галя свято верит в разумность сыночка: опрятный, вежливый, не хулиган. Однако собственная, отдельная и без пэrentсов двухкомнатная квартира рядом со школой – сильнейший искуc. Всё чаще после уроков (а порой и вместо них) Юра заваливается туда с друзьями. Играют в карты. Покуривают на балконе. Слушают виниловые пластинки: фирма «Мелодия» издаёт, без указания названий групп, «сорокапятки» Битлов, «Роллинг Стоунз» и даже группы «Криденс клиуотер ривайвел». Потом друг притаскивает катушечный магнитофон «Комета». На нём слушают оперу «Иисус Христос – суперзвезда»,

«Лед Зеппелин», «Слейд» и «Пинк Флойд». На огонёк начинают заходить девочки. Затем появляется портвейн. Среди дня занавешиваются плотные гардины, в организованной полутьме устраиваются танцы.

Ближе к вечеру Юра начинает звонить в Калининград, отцу, выдумывать, что много задано, что тяжело ехать, и он останется ночевать в Москве. Отец Владислав Дмитриевич – добрый человек, да и ему хочется побыть со второй женой наедине, без присутствия сына. Он разрешает: «Конечно, Юрочка, оставайся». Так повторяется на неделе три-четыре раза.

Словом, о девятом классе у Юрия – самые радужные воспоминания. Лафа, свобода, великолепный мир открытий: как пахнет дымок сигарет, каков на вкус массандровский портвейн и какова на ощупь женская талия. Учёба и будущий институт задвинуты далеко, на пыльную верхнюю полку. Однако репутация у учителей, природные способности и память пока спасают. С четвёрок, что легко натягивались до пятёрок, Юра сползает к четвёркам, которые раздуваются из троек. Однако в таблице за год приносит отцу сплошные «хор», перемежаемые пятёрками по физре, труду и НВП (начальной военной подготовке).

Но поговорка про верёвочку – сколько бы ей ни виться, а конец видать – сказывается и на этот раз. В Москву в отпуск из Лейпцига приезжает мама с отчимом. И хоть в квартире на Ленинском Юрий запрещает себе и друзьям курить за две недели, тщательно моет и пылесосит, всё равно прокол неизбежен. На потолке различимы шрамы от пробок советского шампанского, разбита добрая половина хрустальных бокалов, словоохотливая соседка услужливо докладывает о музыке, друзьях и девочках: «А ещё они целую сетку пустых бутылок сдавать выносили». Картину довершает встреча мамы с классной: они на дружеской ноге, Галя ведь и сама в прошлом учитель, лишь недавно перешедшая преподавать в вуз.

Вечером происходит крупный разговор с сыном: «Я не понимаю, о чём ты думаешь?! – возмущается мать. – Ведь тебе поступать! Вероника Петровна говорит, что ты очень съехал и по физике, и по математике, еле-еле тебе четвёрки натянули! Как ты будешь экзамены сдавать?! Авиационный – не шутка, не игра!»

И тут Юрий выдаёт – неожиданное, в первый момент даже для него самого:

- Мама, я в авиационный не пойду. Мне это неинтересно.

- Вот так номер! И куда же ты пойдёшь? Где тебе интересно?

- Хочу поступать на факультет журналистики.

- Для того чтобы стать журналистом, надобно иметь талант, - припечатала мама.

- А у меня он есть.

- Да? - с чрезвычайным скепсисом протянула Галина. - Докажи.

- Ну, хорошо. - Юрочка весь запунцовел, но проследовал в свою комнату и вынес стопку разноформатных листов, исписанных нестойким юношеским почерком. Были среди них и перепечатанные на машинке. Нет, то был не давешний фантастический роман - он так и остался недописанным. Однако не на пустом ведь месте решил молодой человек податься в пишущую братию, и не только танцами, картами, портвейном и сигаретами занимался он во время маминого отсутствия. В стопе имелись зарисовки с натуры, о нравах школы и старшеклассников, и пара рассказиков, и даже три-четыре полемические заметки для школьной стенгазеты.

Мама осталась изучать их на кухне. Отчим хранил нейтралитет и ушёл спать. Юрочка сидел у себя в комнате, краснел и кусал пальцы. Ему зверски хотелось пойти покурить, да и было бы красиво ждать приговора с сигареткой в зубах, но слишком вызывающе, вдобавок дорогу на балкон преграждал своим присутствием спящий в комнате отчим. Спустя четверть часа к Юре вошла мама. Сын сидел за своим столом и с некоторым вызовом читал переплетённую ксерокопию «посевовакского» издания Булгакова. Галина на «тамиздат» внимания не обратила, погладила сына по голове, мягко похлопала по плечу. «Ты знаешь, - сказала, - я, конечно, совсем не специалист, но, по-моему, это хорошо. Завтра буду узнавать, что со всем этим можно сделать. И как теперь тебе дальше жить, если ты и впрямь хочешь стать журналистом. А то подумай. Профессия зыбкая, ненадёжная».

- Почему зыбкая? - дёрнулся Юра. - Почему ненадёжная?

– Потому что критериев нет, – ответила, как отрубилась, мама. – Не математика. Один может сказать, что написано хорошо, а другой – что плохо. Весь вопрос в отношении – к тебе и к тексту. Шаг в сторону – и поди потом, доказывай, что ты не верблюду.

– А какие профессии – незыблемы? – с вызовом спросил юноша. – И какие – надёжные?

– Инженер твёрдая профессия, – развела руками Галина. – Или педагог, к примеру. Никогда без куска хлеба не останешься.

В своём пророчестве Галя Иноземцева оказалась куда как не права. Но кто мог тогда, летом семьдесят шестого года, предвидеть, что развернётся в стране через шестнадцать-семнадцать годков, в девяносто втором – девяносто третьем, когда государство решительно переведёт свой паровоз на новые рельсы, и первыми полетят в топку многочисленные инженеры, служившие верой и правдой тысячам НИИ и КБ, в основном оборонных! И что нищими разом окажутся преподаватели всевозможных вузов, включая её самое. Впрочем, до тех времён простиралась целая жизнь, и ещё надо было дожить, и никто не знал, ни Юра, ни его мама, какие извивы и пертурбации предстоят им на пути.

А пока мама, будучи в отпуске, решительно разрулила ситуацию с грядущим Юриным поступлением. Пользуясь своими связями в университетских кругах, отыскала сыну репетиторов с самого что ни на есть факультета журналистики. Две строгие дамы (одна преподавала русский и литературу, другая – английский) плюс чрезвычайно занудливый мужчина – историк-обществовед. Репетиторы послушали-посмотрели юношу и вынесли свой вердикт. Впрочем, выводы их оригинальностью не отличались: «Потенциал есть, но нужно много и упорно работать». Объявили цену на свои услуги. На круг получалось без малого двести рэ в месяц – хорошая зарплата квалифицированного специалиста; папа, кандидат наук и завсектором в «королёвской фирме», получал тогда двести сорок. Мама поставила отца перед фактом: расходы на поступление сына делим пополам.

Папаня, Владислав Дмитриевич, безропотно согласился.

Папа желание Юрочки изменить инженерии и авиации воспринял отнюдь не ревниво. Наоборот, сказал: «Прекрасное решение, если есть талант и желание.

Инженеров пруд пруди, а журналистов хороших – считанные единицы». Отец даже обнаружил объявление в «Вечерней Москве», вырезал, Юре передал: «Школа юного журналиста (ШЮЖ) при факультете журналистики МГУ объявляет набор школьников 9–10-х классов. Приём творческих работ по адресу: проспект Маркса, д. 9». Папа и в дальнейшем в устройстве Юриной судьбы проявил горячее участие: попросил секретную машинистку на своей работе перепечатать опусы сына.

Когда пришла пора везти заметульки на журфак, Юра разволновался со страшной силой: одно дело – мнение мамы и других членов семьи, непрофессионалов и людей, в хорошую сторону предвзятых. И совсем другое – настоящие волки журналистики, акулы пера. Высмеют, скажут, куда ты, мальчик, в калашный ряд, ступай назад, математику свою зубри. От волнения и как бы оттягивая неизбежное, Юрий поехал не в центр, на проспект Маркса – он и не представлял, где находится факультет журналистики, и не думал, что какая-то школа для молодых журналистов может быть в таком центре, что центральной не придумаешь. Поехал было на Бауманскую, где протекала тогда улица Карла Маркса (теперь – Старая Басманная). Долго там лазил, искал дом девять. Спрашивал прохожих. Все удивлялись: нет здесь никакой школы журналистики. Наконец милиционер всё-таки направил его на будущую Моховую.

На факультете вежливые студентки приняли у него работы, велели приходить через неделю, писать творческое сочинение.

А через неделю случилось чудо: когда Юрочка, задыхаясь от волнения, снова пришёл в стариннейшее здание журфака и занял место в Коммунистической аудитории (на доске была написана тема сочинения на свободную тему: «Ночь, которую я провёл без сна» – не без вольнодумства, согласитесь), к нему подошёл и положил руку на плечо довольно пожилой товарищ лет двадцати пяти, наверное, даже не студент, а аспирант или действующий журналист. Товарищ этот, щеголявший усами подковой, бакенбардами, брюками клёш, водолазкой и блейзером – тогда так одевались все модные творческие чуваки Москвы, начиная с Высоцкого, – вывел Юрочку в коридор и представился: «Гревцов Владимир, я буду у вас семинары вести». А потом проговорил слова, которые до сих пор при воспоминании отзывались Иноземцеву-младшему сладкой музыкой: «Я прочёл твои работы. Молодец, классно пишешь. Если хочешь, можешь сочинение не писать. Я тебя в свой семинар всё равно беру». Да, это было роскошно. Первое признание его талантов. Первое свидетельство правильности

избранного пути.

И началась у Юры жизнь интересная, но жёсткая. Четыре пары в неделю – занятия с репетиторами. Плюс лекции и семинары в ШЮЖе. Мама с отчимом благополучно отбыли в свой Лейпциг. Квартира на Ленинском снова опустела. «Чистый флэт» – тогда это так называлось на школьном жаргоне, сильно замешанном на английском начального уровня. Юрочка жил там один, теперь на законном основании, лишь пару раз в неделю выбираясь в Калининград к отцу и мачехе, чтобы подкормиться. Однако даже на чистом флэте портвейн, карты и девочки резко сократились в объёмах. Репетиторы задавали столько, что не вздохнёшь. Впрочем, сейшены (так на английском-сленге назывались вечеринки) Юра иногда всё-таки устраивал. Они порой сами складывались – в основном из новых знакомых из школы юного журналиста. К примеру, каждая группа ШЮЖа должна была предъявить свои таланты всему факультету: сделать стенгазету. Подходили к мероприятию творчески, придумывали, обсуждали и отбраковывали темы. Для газеты, которую делала их группа, Юрочка придумал то, что сейчас назвали бы «флешмоб». Прикол (ещё одно словечко из тогдашнего сленга) заключался в том, что юная развратная парочка из своих должна была ездить по метро, переходить с линии на линию, вздыматься-опускаться на эскалаторах и при этом, ух ты, непрерывно взад-вперёд целоваться. В нынешние времена подобным не удивишь, но сорок лет назад тема оказалась горячая. Всё равно, как если бы сейчас совокуплялись. Ну, или целовались два парня. Второй прикол заключался в том, что юные журналисты по ходу движения должны были отслеживать реакцию пассажиров и задавать им провокационные вопросы – мол, что они думают о творящемся безобразии.

Первым удивлением (приятным) в ходе подготовки репортажа стало для Юры, что количество девушек, пожелавших принять участие в горячей парочке, явно превышало число тех, кто желал брать летучие интервью. И второе: публика, взиравшая на прилюдные обжимания, оказалась гораздо более благодушной, чем ожидалось. Никто не требовал звать милицию или тащить молодых в кутузку, реакция, в основном, заключалась в добродушном: «Целуются, ну и пусть себе».

Чтобы мастерить газету (или верстать, как благоговейно выражались они тогда на профессиональном языке), Юрочка предоставил свой «чистый флэт» на Ленинском. Набежала вся группа и сочувствующие. Нанесли портвейна и даже водки. Среди будущих журналистов оказалось много пижонов, мажоров и настоящих хамов. Зато с ними было интереснее, чем с пресными школьниками. А

девчонок (герлов, как тогда говорили), близких к журфаку, куда легче было развести на поцелуйчики в тёмной комнате, чем пуританских одноклассниц.

На Новый год и зимние каникулы Юра съездил к маме в Лейпциг и привёз оттуда целые две пары джинсов, замечательную куртку-парку и блок жвачки. Акции его в ШЮЖе ещё более повысились. Однако репетиторы гоняли его немилосердно, а мама просила их о любом неповиновении немедленно ставить её в известность международной телеграммой. В то же время Юрочка знал, за что страдает: учиться в таком великолепном центровом месте, со столь раскованными, умными людьми, заниматься тем, что действительно любишь, – да ради этого стоило покорпеть над сочинениями, ужасными заданиями по русскому устному и неправильными английскими глаголами!

И вот подходит июль, наступает абитуриентская страда, нервы, экзамены, и – вот он, роскошный результат: пятёрки по английскому и обществоведению, четвёрки по русскому и литературе, явно выше проходного балла! И вот уже поезд уносит Юрочку на короткие каникулы к бабушке и деду, в любимый Энк. Блаженное чувство освобождения и счастья. Впервые за год можно читать не по программе и спать, сколько влезет. Он сибаритствует на своей верхней полке, с разлохмаченной «На Западном фронте без перемен», папиной ещё книгой, пятидесятих годов издания, невпопад засыпает, лопаёт яички вкрутую и курицу, которую сварила ему заботливая мачеха Марина.

А в Энке на вокзале встречают любящие ба и деда, и дед, по случаю приезда внука – сумки с продуктами, которые тот вытаскивает из поезда, оттягивают руки – берёт такси и даже даёт шоферу рублик на чай, за что удостоивается бабушкиного порицания: «Аркаша, ты как ребенок, честное слово! К чему это мотовство?»

Август в Энке в советские времена – сезон заготовок. Едва ли не каждый день Юра с бабушкой ходят на рынок – его здесь называют по-южному базаром. В городе много выходцев с Кубани, с Украины – ссыльные, поселенцы. Есть и немцы, и чеченцы. Многие так и не вернулись в родные края, когда была объявлена им реабилитация, осели в местах, где отбывали ссылку. У большинства свои хозяйства, у кого на разрешённых советами шести сотках, а у тех, кто посмелей, и на левых землях, прирезанных. Рынок ломится. В один день самым дешёвым продуктом оказываются груши, в другой – баклажаны, в третий – кабачки. Юра приносит всего по два ведра. Бабушка идёт под зонтиком от солнца, у неё в благородной соломенной сумочке притаились сопутствующие

товары: укроп, петрушка, лук, чеснок.

Дома ба варит и закатывает варенье. Дед тоже не оказывается в стороне. Его вотчина – баклажанная и кабачковая икра. В дедовом исполнении она вкуснющая, куда там паюсной. Всю зиму консервы энского производства едят в своём Калининграде Владислав с мачехой, и даже в Лейпциг матери отправляется сколоченная из фанеры посылка. О, этот деликатес советских времен: толстый ломоть белого хлеба, сверху – сливочное масло, а ещё выше, на палец толщиной, – овощная икра! М-м, слюнки текут, объедение! Так что назад в Москву Юрочка из Энска отправляется, тяжело нагруженный продуктовой программой: банками с соленьями и вареньями плюс специально сколоченным дедом ящиком, в котором размещены завёрнутые в газетку яблоки-груши и прочие плоды Южного Урала.

Наконец первое сентября, начинается учёба на журфаке. Посвящение в студенты происходит на Красной площади, с посещением Мавзолея. Каждый новообращённый удостоивается прохладного пожатия улыбающегося, вечно милого, но и тогда казавшегося очень старым, почти дряхлым, Ясена Николаевича Засурского.

Начинается зубодробительная античная литература. Ещё более тяжкий англиш. Но случаются и пирушки, уже с новым, студенческим размахом – в основном, опять же в Юрочкином чистом флэте на Ленинском. Не раз и не два Юра просыпается в непонятно чьих объятиях и не может вспомнить, что было вчера и кто эти люди, которые дрыхнут на соседнем диване, а то и на полу. (Первые звоночки будущих проблем.)

Прекрасные студенческие годы добавляются новым интересом. Однажды отец, Владислав, приглашает в гости в калининградскую квартиру не только сына, но и друга своей студенческой юности Радия Рыжова с женой Эльвирой. Дядя Радий, как называет его Юрочка, военный, в чине майора, не так давно переведён из казахстанского города Ленинска, то есть с космодрома Байконур, в подмосковный Голицыно-два, или – почему-то последнее название произносится шёпотом – секретный Краснознаменск. Весёлый, разудалый, с удовольствием пьющий, поющий под гитару собственные песни и неутомимый рассказчик, дядя Радий являет собой прямую противоположность отцу. Из последнего лишнего слова не вытянешь – тем более если это касается его собственной, совершенно секретной работы. Рыжов, напротив, особенно если выпьет, болтает напропалую – правда, обязательно то и дело повторяя всегдашнюю ремарку:

«Ты, Юра, парень грамотный, сам понимаешь, что всё рассказанное предназначается только для твоих ушей. Никому постороннему – ни-ни». Радий и жена его Эльвира зазывают Юрия к себе в гости, в городок, обещают сделать пропуск, сводить в заповедные места за грибами. Иноземцев-младший принимает приглашение. Ему нравится открытый, веселый дядя Радий, его песни и особенно устные хмельные рассказы: о Байконуре, ракетных запусках, о поисково-спасательной службе, о Камчатке, где он прослужил три года на закрытом полигоне Кура. Именно от Рыжова – не от отца или матери! – он впервые узнаёт, что его прекрасная мамочка Галина Иноземцева, оказывается, готовилась в женском отряде к полёту в космос, больше года прожила в Звёздном, близко знакома и на «ты» со всеми парнями из первого отряда космонавтов.

– Как жаль, что Галка в космос не полетела, как жаль! – кручинился на кухне подвыпивший дядя Радий. – Не взяли в полёт дивчину, а зря. Насколько б она лучше была, чем эта насквозь фальшивая Валентина, которая и программу всю провалила, и другим девчонкам дорогу в космос закрыла!

Для Юрочки откровения дяди Радия оказываются ошеломительной новостью. В тщательно закрытом советском обществе он знал лишь, что мамочка некогда вместе с отцом трудилась над космической тематикой в «королёвской фирме» в Калининграде, но покинула и «фирму», и отца одновременно, в начале шестидесятых. Знал он также, что мама в молодости с парашютом прыгала. Но вот совместить два этих знания и допустить, что мама готовилась в космос первой женщиной полететь – такого Юра даже не мог представить. Спросить напрямик у матери возможности не представлялось – не станешь ведь о таком, заповедном, совсекретном, разговаривать по международной телефонной связи или даже в письмах в Лейпциг спрашивать. Тогда он подлез к отцу, и тот подтвердил: да, мама тренировалась лететь в космос в Звёздном с другими девочками, а потом из проекта по собственной инициативе ушла. «Вот дела!» – подумал Юрочка и постановил при первой же возможности обо всём мать расспросить, да в подробностях. На семинарах и на практике его учили искусству интервью, как выцыганивать из человека сведения, которые тот даже не хочет выдавать. Понятное дело, смекал он (шёл семьдесят седьмой год), ни о маминой биографии, ни о чём другом, закрытом, рассказанном Рыжовым, ни писать, ни говорить вслух пока нельзя, – но когда-нибудь ведь сроки секретности выйдут, тут он как раз и подоспеет со своим материалом.

Существовала и ещё одна причина, по которой семейство Рыжова зазывало Юрия в гости (а он к ним в Голицыно-два ездил). Причина звалась Марией, было ей четырнадцать лет от роду, она училась в восьмом классе и приходилась дяде Радию и тётё Эльвире родной дочерью. Мария смотрела на москвича и будущего журналиста широко раскрытыми глазами, охотно смеялась его побасенкам и оттачивала на нём своё, пока неумелое, раннедевичье кокетство. Однажды Юра даже, скорее из любезности и временной нехватки спутницы, пригласил Марию сходить вместе на остродефицитный концерт молодого эстрадного комика Хазанова. Потом проводил девушку, электричкой и автобусом, в Голицыно-два и сдал у проходной в руки отцу. Свиданием это мероприятие назвать язык не поворачивался. Иноземцев посматривал на юную Машу свысока и снисходительно, девушка же изо всех сил тянулась за столь великолепным кавалером.

Наконец завершился срок маминой командировки. Ни она сама, ни отчим Николай Петрович не проявили в ходе поездки предпринимательской жилки и практически не обогатились в братской ГДР материально. Разве что Юрочку обеспечили импортной одеждой, с ног до головы, до самого конца университета. Себе тоже, конечно, барахла накупили и приобрели чрезвычайно модный в те годы среди советских командированных сервис «Мадонна». Вдобавок вывезли целый контейнер книг на русском – по странному (для сегодняшнего, нормального человека) заводу в СССР с книгами был жуткий дефицит, однако в странах народной демократии (Венгрии, Румынии, ГДР и прочих), а также в благосклонной к СССР Финляндии, имелись магазины советской книги. А в них за местную валюту – марки, левы или форинты – можно было приобрести всё то, за чем в столице выстаивали ночные очереди, отмечались у магазинов или переплачивали втридорога. Почти тысячу томов притащила мамочка из ГДР, включая раритеты, изданные крохотными (по тому времени) пятитысячными тиражами: полное собрание рассказов Фолкнера или переписку Маяковского с Лилей Брик в серии «Литературные памятники».

Юра не забыл о тайне, которую узнал о матери от дяди Радия, и в первый удобный вечер (у отчима была лекция для вечерников) приступил к ней с расспросами. Он как опытный расспрашиватель (всё-таки целый курс журфака за плечами) приобрёл бутылку массандровского портвейна, до которого и он, и мамочка были охочи. Под парами сладкого вина из всесоюзной здравницы он и расколол маман, или, точнее, мутер – и та подтвердила ему (не преминув заметить о совершенной секретности данного факта), что да, она и впрямь в составе первого женского космического отряда из шести человек готовилась к полёту. Однако для старта выбрали не её, а Валентину, и поэтому Галя из

отряда ушла, а в конце шестидесятых группу эту вовсе расформировали, и никто из девчонок того призыва так в космос больше и не полетел.

С того вечера Юра начал исподволь работать над космической темой: то дядю Радия Рыжова расспросит, то из отца что-нибудь клещами вытянет, то из матери. Не доверяя памяти, всё записывал, шифруясь, используя свою собственную систему знаков, прятал блокноты в столе, никому не показывал.

А вскоре выяснилось, что даже родная бабушка Антонина Дмитриевна была, что называется, в теме. Оказывается, она ещё в тридцатые годы работала с будущим академиком Королёвым – для неё он был просто Серёнчиком – сначала в ГИРДе, а потом в Реактивном институте. И, оказывается (об этом в брежневском СССР никто не ведал, не говорил), великий творец советских ракетных побед и достижений Королёв был при Сталине репрессирован, чудом остался жив на Колыме, просидел шесть лет в «шарашке»... Это Юрочка тоже записывал – хотя в семьдесят седьмом, застылом и постылом году, ничего подобного опубликовать нельзя было даже подумать.

Благодаря воспоминаниям родителей и дяди Радия он погружался в весёлые и романтические годы – начало шестидесятых, когда советские люди всерьёз готовились к посадке на Луну и до грядущего, казалось, им, молодым, было рукой подать.

1963 год

Галина Иноземцева

Свадьба! Свадьба!

Как совершенно справедливо отмечалось в начале данного повествования, само это слово оказывает на девушек чрезвычайно магическое воздействие. Так было и полвека назад. И молодая Галя Иноземцева исключением ни в коем случае не оказалась.

Хоть замуж выходила далеко не она сама, и даже не близкая подруга – скорее, невесту можно было назвать соперницей или конкуренткой – всё равно, узнав о

намечающемся торжестве, Галя испытала род радостного подъёма. Однако зависть тоже, конечно, подступала, чего греха таить. И очередной острейший приступ неприязни она испытала: ну почему так бывает? Почему одной – всё, а остальным (и ей, Иноземцевой, в том числе) – ничего? Почему её подруга и соперница Валентина Первая, слетавшая в июне шестьдесят третьего в космос, приобрела славу, деньги, преклонение, обожание, ордена, знак героя, поездки по всему миру – а она, Галя, как и другие девчата, наравне с Валентиной тренировавшиеся, но оставшиеся в запасе, не поимели ничего-ничегошеньки? Ни славы, ни орденов, ни даже крохотной известности?

Но что им, всем пятерым запасным, было делать? Так уж в стране было заведено. Первый получает всё. Остальные – шиш.

Хорошо ещё, что Валентина, первая космонавтка, про Галину, как и про остальных девочек-дублерш, вообще вспомнила. Могла бы и вовсе на свадьбу не пригласить. У неё теперь совсем другие сферы: члены правительства, дипломаты, артисты, знаменитости. С самим Хрущёвым целуется и шампанское распивает.

Тем более что Галя, в отличие от остальных запасных девушек, из космонавтов осенью шестьдесят третьего ушла. Тяжело ей было всех их видеть после полёта Валентины. И руководителя полка подготовки космонавтов, бывшего своего возлюбленного генерала Провоторова, – тоже.

А что она получила взамен? Школьную ляжку, полторы ставки учительницы английского, сына Юрочку отвезти в садик, выстоять в очереди ему за молочком, выстирать в ванной чулки и штанишки. Почти беспросветный советский быт...

Чужая свадьба – короткий из него прорыв. Повод стать красивой, эффектной, слегка выпить, радоваться, выглядеть, фигурять. И пусть из числа обязательно приглашённых на «космическое бракосочетание» Провоторова, к примеру, видеть совсем не хочется. Да и невесту Валентину Первую, удачницу, победительницу, откровенно говоря, тоже. Ещё вчера, казалось, они сидели вместе в профилактории будущего Звёздного городка (который тогда ещё не назывался Звёздным), распивали чай и хихикали о парнях, а сегодня она, как прима или киноактриса, раздаёт интервью в прямом эфире «Голубого огонька».

– Скажите, Валентина Владимировна, – спрашивает её всеобщая телелюбимица, диктор Валечка Леонтьева, – а кто ваш любимый литературный герой?

– Мой любимый герой, – не моргнув глазом, отвечает новая героиня, – Павка Корчагин.

– А как вы любите проводить своё свободное время?

– Моё любимое занятие – слушать музыку.

– И какую музыку вы слушаете?

– Я, – говорит свежеепечённая космонавтша, не дрогнув ни единым мускулом, – люблю Чайковского. Первый и четвёртый концерты для фортепиано с оркестром.

С ума сойти! Первый и Четвёртый концерты Чайковского! Подумать только! Так и виделся Галине за этой сценой инструктирующий героиню генерал Провоторов, добивающийся, чтобы все вопросы любых интервью просто от зубов подопечных отскакивали. И чтобы обязательно звучали идейно грамотно и идеологически выдержанно.

«Уж не завидуешь ли ты Валентине, Галя?» – спрашивала саму себя Иноземцева. И самой себе честно отвечала: «Разумеется, завидую. Ещё как! Чрезвычайно, зверски завидую. Хотя бы потому, что считаю, что была бы лучше неё. Лучше – во всём. И слетала бы лучше, и чувствовала себя лучше, и с кораблём управлялась, и Сергею Павловичу докладывала, и на пресс-конференциях и прочих мероприятиях держалась».

В общем, если бы на свадьбе была из знакомых одна только Валентина, Иноземцева вряд ли бы туда собралась. Но там будет, разумеется, жених её свежеепеченный, тоже герой-космонавт, добряк и увалень Андриян, и... И другие будут, прекрасные ребята и девчата из первого мужского и первого женского космических отрядов: великолепный Юра Самый Первый, и красавец Герка Второй, и разбитной Паша. И девочки, все четыре, кто остался в запасе: Жанна, Таня, Валя Маленькая и Ирина.

Приглашение от лица и от имени Валентины Первой, Космической, передавала Гале изустно Жанна – запасная, оставшаяся служить в полку подготовки космонавтов в надежде на будущий полёт. Сказала, что обязательно последует приглашение официальное, соответствующим образом оформленное. Но пока оно не было готово – потому что свадьбу курировали на самых верхах и никак не могли определиться с её, если говорить сегодняшним языком, форматом: где она пройдёт, когда точно состоится и кто будет приглашён.

О предстоящей церемонии по советской Москве (в принципе, совершенно лишённой какой бы то ни было светской жизни, в том числе бульварной прессы и телевидения) давно ходили самые разноречивые толки. Ещё бы! Женились не абы кто, а двое едва ли не самых популярных в стране людей, двое покорителей звёздного пространства – первая женщина и космонавт номер три Андриян. Кто чего о будущей женитьбе только не плёл: и что сосватал двух героев сам Хрущёв (что было недалеко от истины). И что свадьба – продолжение опытов, которые врачи ставят над космонавтами, и теперь эскулапам не терпится узнать, сохранили ли люди после полёта способность к размножению и какими у них родятся дети. И что молодые друг друга не любят и идут под венец чуть ли не силком, во имя науки и пропаганды.

Правдой было то, что советская пресса, обожавшая напыщенные сравнения, немедленно окрестила слетавших одновременно (но на разных кораблях) космонавта пять Валеру и космонавта шесть (и одновременно первую женщину) Валентину «звёздными братом и сестрой». А на грандиозных торжествах по случаю приземления бурно радующийся успехам в космосе Никита Сергеевич Хрущёв сказал новоиспечённым виновникам торжества, вроде бы в шутку: «Ну, теперь нам вас поженить осталось». На что Валерий немедленно возразил: «Минуточку! Но я женат». Тогда руководитель партии и правительства спросил: «А кто у нас тут холостяк?» Оказалось, что из числа летавших засиделся в «девках» один только Андриян. «О, значит, пора, пора тебе под венец! – вроде бы шутейно засверкал глазками в его сторону Никита Сергеевич. – Смотри, какую я тебе невесту нашёл – звёздную!» Флегматичный, скромный Андриян пожал плечами, возражать не стал. Пробубнил что-то вроде: «Да я не против». Он вообще был человеком спокойным и покладистым: скажет начальство в космос лететь – полечу, велит жениться – женюсь. Так и потянулось: без особой любви. Свадьба по обязанности, как у венценосных особ.

Может, потихоньку и заиграли бы тему, что пришла Хрущёву в голову, спустили на тормозах. Но однажды на самом популярном телевизионном шоу тех лет –

«Голубом огоньке» Андрияна посадили рядом с девятнадцатилетней красавицей-артисткой Настей Вертинской, дочерью всесоюзно известного бывшего эмигранта Александра Вертинского. Настя, невзирая на молодость, прославилась ролями в «Алых парусах» и «Человеке-амфибии», а теперь у самого Козинцева в «Гамлете» снималась. Ну, поулыбались под прицелом телекамер Андриян и Настя – и тут по стране немедленно заговорили, что звёздная свадьба расстраивается и советский космонавт номер три теперь к кинодиве переметнулся. Пришлось начальству в лице командира полка подготовки космонавтов генерала Провоторова провести среди вверенного ему личного состава работу: «Мне тут слухи, и сплетни, и буржуазное разложение вокруг полка не нужны! Если собираетесь жениться, дорогие мои Валя и Андриян – пожалуйста, оформите свои отношения, не тяните kota за хвост». Пришлось Валентине и Андрияну поторопиться, пошевелиться.

А Настя Вертинская вскорости вышла замуж за другую молодую знаменитость (слово «звезда» тогда в отношении советских людей не употребляли) – Никиту Михалкова, блеснувшего в фильме молодого режиссёра Данелии «Я шагаю по Москве», сына баснописца. Но это будет позже, в шестьдесят шестом, а пока, осенью шестьдесят третьего, к браку готовились молодые, которые единственные во всей стране могли именоваться «звёздными». Итак, Валентина и Андриян, как положено, подали заявление в загс. Однако вопрос о бракосочетании курировался на самом верху, в Президиуме ЦК, а там долго не могли определиться: где гулять, когда и кого приглашать. И только в самом конце октября было принято решение – как говорили, лично Хрущёвым Никитой Сергеевичем: свадьбу сыграть непосредственно перед ноябрьскими праздниками, третьего числа, и по случаю бракосочетания устроить приём от имени Советского правительства, которое возьмёт на себя все расходы.

Жанна из Звёздного городка немедленно протелефонировала Гале, чтобы та была готова, а ещё спустя сутки фельдъегерь доставил, под роспись, именное приглашение: «Галине Иноземцевой с супругом».

Хотя к тому моменту Галя с Владиком не просто разъехались, но и официально подали на развод. Правда, об этом ещё никто, кроме них двоих, не ведал.

Хрущёв Никита Сергеевич

Никита Сергеевич Хрущёв был первым советским пиарщиком.

Конечно, ни он сам, ни кто бы то ни было другой на территории СССР даже слова такого не ведал, не слыхивал. Впервые этот термин появится в странах бывшего Союза спустя тридцать лет, в начале девяностых, с первыми капиталистическими преобразованиями. Однако вся суть Хрущёва, вся его природа заключалась в публичности и в умелом и ярком демонстрировании – причём всему миру – того, что он хотел и умел продемонстрировать. Никита Сергеевич непринуждённо держался перед телекамерами, выступал, даже на Западе, в прямом эфире, яростно спорил и горячо отстаивал свою правоту. Пропагандировал на весь свет идеи мира, добра и коммунизма. Вот только гримироваться для ТВ и кинохроники наотрез отказывался: вдруг грим расплывётся, потечёт, и увидят капиталистические щелкопёры, что глава первого в мире государства рабочих и крестьян раскрашен, словно баба. Нет, не бывать этому! И потому на заграничных съёмках круглое, лысое, вдохновенное лицо Никиты временами лоснилось от пота. Но это мелочи и детали.

Важно было другое: первый секретарь ЦК и председатель совета министров СССР хорошо знал цену красивого жеста и наглядности в политике. Поэтому охотно позировал перед фотографами и телекамерами с разными символами – например, с фаллически воздетым своим любимым кукурузным початком. Или грохотал кулаками (или, как гласит распространённая легенда, башмаком) по кафедре в зале заседаний ООН. А в пятьдесят девятом году, во время первого своего визита в Америку, он добился того – тут ему Королёв Сергей Павлович хорошо подыграл, – что как раз незадолго первый советский спутник врежется в Луну. И тогда, в Вашингтоне, под объективами телекамер и сотен фотографов, Хрущёв лично подарил президенту Эйзенхауэру модель лунника. В тот визит подчинённые, включая министра иностранных дел Громыко, с трудом отговорили Никиту, чтобы он не вручал макет сразу по прилёту, немедленно в вашингтонском аэропорту. Убедили: надо хотя бы дождаться визита в Белый дом. Но и до сих пор сохранились многочисленные фото и кинокадры: Хрущёв весь лучится довольством, а Эйзенхауэр принимает советский дар с чрезвычайно кислой миной – специалисты шепнут ему заранее, что лунник весит ровно столько, сколько боевая часть советской ракеты, или термоядерный заряд. И раз уж до Луны его советским конструкторам удалось докинуть, то до Америки он точно долетит.

А с какой помпой Никита Сергеевич всех космонавтов встречал! Обязательно лично, обязательно прямо во Внукове, на аэродроме. Потом ехал вместе с ними на открытой машине, утопая в цветах, среди представителей трудовых коллективов, которые каждый от своего столба приветствовали героев на всём

протяжении Ленинского проспекта. Так со всеми шестерыми, кто слетал, было: и с Юрой Самым Первым, и с Герой Вторым, и с первым групповым полётом (два человека на разных кораблях – Андриян и Паша), и с первой женщиной Валентиной, которая в компании Валерия на орбиту вознеслась.

И вот теперь намечалась звёздная свадьба. Конечно, Никита Сергеевич никак не мог пройти мимо, оставить мероприятие без своего высокого внимания. Это ж какое, товарищи, событие происходит! Только вдуматься: два героических советских человека носились, каждый по своей орбите, в тех, самодержавно говоря, эмпиреях, где браки обычно, как говорят, заключаются – на небесах! И своими глазами, воочию, увидели, что ничего там чудесного или тем более религиозного нет. И нечему там заключаться. Но когда они вернулись на нашу советскую землю, то увидели, как эта земля прекрасна и как прекрасны они на ней – наши простые советские мужчина и женщина. И они потянулись друг к другу и соединили братский союз, где ему и положено – в советском загсе.

И их свадьба, товарищи, наших дорогих Валентины и Андрияна, она свидетельствует, что ничто человеческое советскому человеку не чуждо. Он может, как говорится, и в космос слетать, и на ткацком станке поработать, как Валя, и за праздничным столом посидеть, за которым никто у нас не лишний. Тем более кем были бы эти двое наших счастливых новобрачных, если бы не советская власть? Это она, наша советская власть, вознесла их в космические высоты! У Вали мама ткачиха, простая работница, вот она тут сидит, скромная, в платочке. Отец первой космонавтки трактористом был, на финском фронте погиб. А Андриян? В избе вырос, в Чувашии, мама – доярка, папа – конюх. А теперь – смотрите, куда они взлетели, товарищи! На какие, в прямом и переносном смысле, орбиты!

При мысли о предстоящей «космической» свадьбе невольная улыбка осенила чело Никиты Сергеевича, и он понял, что в уме начал произносить свой тост во славу звёздной советской семьи. Тут надо ещё понимать, товарищи, что, организуя данное бракосочетание на высоком государственном уровне, мы подаём хороший воспитательный пример будущим советским женихам и невестам, а именно: демонстрируем им, как следует проводить подобные мероприятия. Не с церковным размахом, под звон колоколов и гнусавые причитания попиков. Но и не в скучном казённом загсе, как мы женились в тридцатые годы. Нет, не случайно советская власть придаёт особое значение новой советской обрядовости! Недаром открыли мы недавно торжественные залы бракосочетаний, настоящие дворцы – в Ленинграде, на набережной

Красного Флота[З - Ныне Английская набережная.], и здесь, в столице, на улице Грибоедова! Поэтому пусть весь мир увидит в кадрах кинохроники: звёздная невеста Валентина, известная всей стране, в фате и белом платье поднимается по парадной лестнице; рядом жених её, звёздный Андриян, в галстучке, в строгом костюме. А вокруг их гости – замечательные, простые и скромные, но известные всему прогрессивному человечеству ребята-космонавты. Бравые герои, звёздные братья: Юра Самый Первый, Гера Второй, Паша и Валерий. Будут ещё приглашены секретные конструкторы космической техники (но их снимать на плёнку, конечно, не следует). Другие покорители звёздных пространств, пока ещё не слетавшие – дублёры и дублёрши. Позовём также товарищей по партии, генералитет. А я буду посажённым отцом, поведу невесту, в отсутствие отца реального, сгинувшего в финскую войну, так сказать, к алтарю – а точнее, к столу, где записывается акт бракосочетания. И поднимем мы бокалы с шампанским, скажем тосты, крикнем «Горько!» – но безо всякого разгула, разврата, хулиганства. Весело, но скромно, по-партийному.

Так думал Никита Сергеевич, когда затевал и организовывал эту космическую свадьбу, пир на весь мир. В его расчётах – как и в планах остальных участников бракосочетания, включая самих виновников – не принималась во внимание одна составляющая, которой перед величием дел и задач решили пренебречь, а именно – любовь.

Владислав Иноземцев

Каким бы ни был заботливым и преданным отцом Владик, когда его жена Галина наконец перестала, говоря его словами, дурить – то есть отказалась от идеи стать космонавткой и вернулась в частную жизнь, забрав к себе Юрочку, Иноземцев-старший вздохнул с немалым облегчением. Он чувствовал себя так, как в пору, когда окончилась его ссылка на Байконур: захлёстывающее, удивительное чувство свободы. И столько можно всего успеть сделать – главным образом по работе! Ничто его не заставляет теперь мчаться после службы сломя голову в детсад, чтобы успеть забрать Юрочку до шести. Ничто не понуждает по утранке бежать вдвоём с ним на электричку, чтобы к завтраку доставить мальчика в дошкольное учреждение. Можно хоть на всю ночь заступить на трудовую вахту, что Иноземцев временами и делал. Тем более что в ОКБ-1 (особом конструкторском бюро), где он служил, вся деятельность, которой руководил тогда всесильный академик Сергей Павлович Королёв, подразделялась на две категории: срочная и сверхсрочная, неотложная.

Вот и теперь, едва ли не в первый раз в его трудовой биографии, которая насчитывала в ОКБ, между прочим, без малого шесть лет, Владик удостоился того, что был вызван непосредственно и лично в кабинет самого Эс-Пэ (как между собой называли Королёва).

Двумя инициалами, кстати сказать, именовали и других ракетных деятелей: Раушенбаха, к примеру, называли Бэ-Вэ, Чертока – Бэ-Е, непосредственного начальника Иноземцева, Константина Петровича Феофанова, величали Ка-Пэ. Так повелось ещё с войны или даже с довоенных времён. И штука тут была не только в экономии времени на произнесении имени-отчества, но, главное, в секретности, на которой все тогда были просто помешаны. Настоящие фамилии секретных академиков вроде Королёва были тайнами за семью печатями. Вот и получалось: скажешь «иду к Королёву» – вдруг какой шпион-диверсант подслушает, узнает, кто на самом деле на предприятии заправляет. А если: «пошёл к Эс-Пэ» – то никому ничего непонятно (кроме посвящённых, разумеется).

Владик и раньше бывал в кабинете у Королёва, но всегда в числе других проектантов и конструкторов, и далеко не самым главным действующим лицом. Обычно, оказавшись здесь, держался в сторонке, в уголке, отсиживался и отмалчивался. Теперь он предстал перед грозные очи Эс-Пэ один, тет-а-тет, что было одновременно и вдохновляющим, и ответственным знаком.

Всё тот же кабинет с напольными часами и антикварным столом с львиными ногами. Всё тот же человек за столом – плотный, почти без шеи, в кофте с распахнутым воротом и без галстука. И такое же, как всегда, внимательное, но быстрое, без потери минуты времени, обхождение:

– Садись, Иноземцев. Будет тебе особое задание. Итак. Тут на днях американе, – своих заклятых соперников с другой стороны океана Сергей Павлович именовал исключительно «американе»: и нестандартно, и уважительно, но и отчасти свысока. – Так вот, американе с инициативой вылезли. Президент Кеннеди на Генассамблее ООН выступил. К нам обратился, к советским людям: давайте, мол, полетим на Луну вместе. Как ты понимаешь, мы на Луне хотим быть первыми и без их соучастия. Однако начальство наше, – главный конструктор уважительно поднял палец, и Владик понял, что главный конструктор имеет в виду не кого-нибудь, а самого Хрущёва, – на инициативу эту пока ответа никакого ни по каким каналам не дало. И нам надо быть ко всему готовыми. Вдруг они там, – снова указание на потолок, – и впрямь решат с американцами в освоении Луны

скооперироваться? На такой случай нам надо быть во всеоружии. И если скажет руководство: да, летим вместе – немедленно дать конкретное предложение: что возьмём на себя мы, а что оставим американам. У нас, конечно, всё, что с космосом связано, секретное, совершенно секретное и особой важности, но надо выбрать те объекты, рассекретив которые перед американцами, мы понесём наименьший урон. А вот что конкретно – это ты предложишь и мне доложишь. Через неделю. В первом отделе можешь брать любые материалы. Скажешь своему начальнику Феофанову – я тебя от всех прочих работ пока освободил. Но о сути задания никому ни слова. Давай действуй, – Сергей Павлович прихлопнул ладонью по столу, знаменуя окончание разговора.

Не рассусоливая и не занимая время великого человека, Иноземцев буквально выкатился из кабинета. А когда шёл по коридору, возвращаясь к себе в отдел, навстречу ему попался давний его знакомец Жорик. Они когда-то, ещё в пятьдесят восьмом, расчётчиками в ОКБ начинали, затем в Тюратаме (то есть на Байконуре) первые советские спутники-шпионы летать учили. «Ты куда?» – спросил его Владик, и по тому, как Жорик слегка стушевался, понял, что его коллега, скорее всего, тоже в кабинет Королёва направляется и, вполне вероятно, такое же задание от него получит. Сергей Павлович любил поручать, особенно на самом первоначальном этапе, один проект совершенно разным и не связанным друг с другом людям – чтобы соревновались между собой и лучше генерировали идеи.

Владику ещё предстояло доложить своему начальнику Феофанову о том, что он, по особому заданию Эс-Пэ, временно от основной работы отстраняется, и пережить приступ его вполне естественной начальственной ревности, его брюзгливо оттопыренную губу и холодный его вопрос: «Особое задание самого Эс-Пэ? Вот как? Ну, давай действуй».

Галина Иноземцева

Всё самое интересное, что только происходило в Москве и стране, советский народ узнавал из слухов. Газеты о наиболее занимательном не писали, радио и телевидение не сообщало. Тем удивительней было, что улица Грибоедова, где находился первый в столице не простой загс, но недавно открытый дворец бракосочетания, оказалась в день космической свадьбы запружена до краёв. Подстёгиваемые информацией, передаваемой из уст в уста, все мечтали посмотреть на двух известнейших в стране людей, заключающих нерушимый

союз. У входа дежурило множество корреспондентов – в основном, западных, однако встречались представители стран народной демократии, а также отборные работники партийной и советской печати. Дежурила милиция.

Галя с Владиком, хоть и были приглашены, но в «грибоедовский» загс опоздали.

Всё потому, что Иноземцевы больше не жили вместе. Владик занимал полученную на семью от ОКБ новейшую двухкомнатную хрущёвку в Подлипках. Галя же вместе с Юрочкой проживала на съёмной квартире в Лосинке.

В итоге в день торжества принаряженный Иноземцев приехал на электричке за своей супругой, потом она долго копалась, потом долго искали такси и ехали в центр, на улицу Грибоедова, которая в итоге оказалась запружена простыми людьми, неизвестно откуда узнавшими о свадьбе. Милиция к загсу никого не пускала, приходилось предъявлять приглашение – и подобрались Иноземцевы к дворцу, лишь когда на крыльце появилась звёздная пара, только что расписавшаяся. Андриян и Валентина, довольные и немного смущённые, попозировали фотокорреспондентам и телекамерам, а затем сели в поджидавшие их автомобили «Чайка» и, в сопровождении своей сельской родни в платочках и блистательных первых космонавтов, отправились в правительственный Дом приёмов на Ленинские горы. Гале и Владику, как и прочим простым приглашённым, пришлось добираться туда своим ходом – на такси. Вдобавок адрес, указанный на приглашении – «Воробьевское шоссе, дом сорок четыре», – ничего не говорил таксисту. Простые граждане в правительственный Дом приёмов обычно не ездили, таксист плутал и неоднократно спрашивал дорогу у «орудовцев». Те относились к шофёру и его пассажирам с явным подозрением: «Кто это едет на такси в правительственную резиденцию?» То Гале, то Владику приходилось выходить и объясняться, предъявлять приглашение. В конце концов они и на банкет добрались, когда действие было в самом разгаре.

Что осталось с тех пор у Гали в памяти (а фотографировать на приёме было запрещено)? Немногое. Посадили их, как и остальных дублёрш Валентины и прочих нелетавших космонавтов, далеко от виновников торжества. Но было весело. В их углу тон задавал Лёша Блондин (Гришу Нелюбова из отряда к тому времени уже отчислили). Хохотали, хохмили, рассказывали анекдоты, пили за здоровье молодых. Генерал Провоторов пребывал гораздо ближе к сферам, рядом с брачующимися. Близ Валентины с Андрияном сидели также сам Хрущёв, его супруга Нина Петровна и явно чувствующий себя не в своей тарелке министр

обороны Малиновский (тоже с женой). В один из перерывов, столкнувшись с Галей, начальник полка подготовки космонавтов и бывший любовник Провоторов едва ей кивнул.

Запомнилось, как искренне радовался за молодых Никита Сергеевич – пожалуй, сильнее, чем они сами, как провозглашал за них косноязычные тосты. И ещё остался в памяти оттенок досады, который, тщательно скрываемый, вдруг на один крошечный момент промелькнул на лице Брежнева – при взгляде на Хрущёва, распорядившегося тут, на свадьбе (как и в стране), всем и вся. Проявилось это неудовольствие на физиономии Леонида Ильича буквально на одну сотую долю секунды и исчезло, как не бывало, снова сменилось маской радушного, угодливого и всем довольного рубахи-парня.

Запомнилось Гале также, как Константин Петрович Феофанов, непосредственный начальник мужа, стал произносить выстраданный, выверенный тост (явно обращённый лично к Хрущёву) – о том, что нет достаточного финансирования советской «лунной программы» и поэтому мы можем уступить Луну американцам. (Впоследствии Владик расскажет ей, что тост возымеет действие и финансирование вскоре откроют.) И ещё запомнилось, с каким горделивым и презрительным видом Феофанов удивился, повстречав на торжестве Владика: «Как?! И ты здесь?» А потом перевёл взгляд на Гаю: «Ах, ну да, ты ведь приглашён в качестве супруга».

Наконец из особняка приёмов убыли Хрущёв и другие члены правительства – говорили, что Никита Сергеевич и Микоян проживают здесь рядом, буквально через забор. Но сейчас, в выходной, они все, кажется, умотали на свои дачи. После того как члены президиума ЦК и другие государевы люди отчалили, гулянка пошла веселее.

А вскоре космонавты – летавшие и нелетавшие – во главе с изрядно нагружившимся женихом и чопорной невестой отправились догуливать на Чкаловскую, в Звёздный городок (тогда ещё так не называвшийся). Владик и Галя не поехали – впрочем, их особо и не звали.

Владик

Он дневал и ночевал на работе, перелопатил груды материалов и соображения свои по поводу того, как кооперироваться с «американцами», подал в срок.

Написал короткую, но ёмкую записку. Попросился на приём к Королёву, долго ждал своей очереди и наконец только часов в десять вечера был принят.

Главный конструктор в этот раз выглядел усталым и измочаленным. Молвил: «Докладывай», – и полуприкрыл глаза. Иноземцев стал рассказывать: ракеты, которая способна донести до Луны полезную нагрузку, у нас в СССР пока нет, и сроки её создания сдвигаются вправо, то есть задерживаются. Она, скорее всего, будет готова в 1966 году, а ведь затем потребуются лётно-конструкторские испытания; плюс к тому устройство наших ракет и место их старта являются самыми важными и охраняемыми тайнами. Исходя из этого предлагается лететь на ближайшую небесную соседку с помощью американского носителя – но на советском корабле. Наш корабль 7К-ЛК тоже пока находится в эскизах, но есть уверенность, что к 1965 году удастся сделать его в металле. На орбиту Земли можно выводить его с помощью нашей «семёрки», старой и проверенной ракеты, а там стыковать с американской третьей ступенью и лететь к Луне. Есть и другой вариант: стартовать на советском корабле непосредственно с американского космодрома. «Как раз корабль двухместный, – сказал Владик, – одно кресло для нашего космонавта, другое для американца. Очень дипломатично получается».

– Ладно, оставь, – махнул рукой Королёв, и Владик положил ему на стол эскизы и пояснительную записку с расчётами.

Но продолжения у разговора не было. Вскоре Никита Сергеевич коснулся этой темы в своей речи, где нагородил сорок бочек арестантов, из чего было решительно непонятно, принимает ли он американское предложение лететь на Луну совместно или от него отказывается.

А 22 ноября 1963 года – прошло всего два месяца после его выступления в ООН – по всем каналам прогремела ужасная весть: молодой, красивый президент Кеннеди убит в Далласе.

И первое, помнится, что подумал тогда, узнав об убийстве, Владик: «Значит, на Луну мы вместе с американцами не полетим».

Так и случилось. Новый президент, Джонсон, о сотрудничестве с СССР в космосе не заговаривал. Хрущёв, как стало известно задним числом, в принципе готов был договариваться о совместной экспедиции. Но его, последнего романтика

межзвёздных путешествий, меньше чем через год сняли со всех постов.

А ещё спустя пять лет американцы полетели на Луну одни.

1984 год

Юрий Владиславович Иноземцев

Опубликовать свои правдивые заметки о советском космосе, навеянные рассказами отца, матери, а также дяди Радия, молодой журналист Юра Иноземцев в те годы, разумеется, не мог даже мечтать.

В ту пору каждый номер любой газеты или журнала – да и прочей печатной продукции, включая театральные программки – в выходных данных сопровождался неприметным знаком, например, ИБ34568. Это было личное клеймо одного из тех людей, само существование которых в Советском Союзе являлось государственной тайной, но которые тщательнейшим образом штудировали каждое печатное слово и не пропускали ничего секретного или политически не выдержанного. Впрочем, редакторы и редколлегии всех изданий и сами не доводили до греха, дули на воду и собственноручно вымарывали всё мало-мальски острое или сомнительное. Все знали, как пострадал главный редактор одного из молодёжных журналов. Стал он печатать с продолжением научно-фантастический роман современного и вроде бы прогрессивного американского автора Артура Кларка. Казалось бы, что может быть более невинным? Экипаж космонавтов – американцы, русские – летит на Юпитер на корабле «Алексей Леонов». Однако вскоре печатание романа на полуслове прервали. Читателям быстренько сообщили, на одной страничке, чем дело кончится. Главреда втихую сняли – хорошо ещё, из партии не исключили, строгим выговором отделался. А дело было в том, что советским астронавтам подлец-американец втихую дал фамилии наших диссидентов, большинство из которых сидело в лагерях: Орлов, Марченко, Ковалёв, Якунин. Оправдания главного редактора, что он «вражских голосов» (то есть заграничных радиостанций, вещающих на Советский Союз) сроду не слушал, поэтому ни о каких диссидентах понятия не имеет, действия не возымели. Ответственный товарищ был уволен.

Вообще сейчас трудно себе даже представить, насколько те нравы, всего-то тридцатилетней давности, отличались от нынешних. Например, тогда Юрин отец, Владислав Дмитриевич Иноземцев, оставляя машину на улице, должен был снять с неё «дворники» и зеркало заднего вида, иначе, вернувшись, даже через полчаса, он рисковал этих своих богатств недосчитаться.

То были времена, когда монументальные объявления «Мест нет» (для гостиниц) и «Пива нет» (для буфетов и столовых) во множестве исполнялись золотом, на камне и мраморе и использовались повсеместно. Пожалуй, даже не было на территории Страны Советов отеля, где подобное уведомление не висело бы на постоянной основе. (Пиво в буфетах ещё случалось.)

То были времена, когда перед любым выездом за границу, даже в братскую социалистическую Болгарию, кандидатуру соискателя должны были утвердить в администрации и парткоме предприятия, а также в райкоме партии и на комиссии старых большевиков.

Но то были также времена молодости, любви и первых трудовых и творческих успехов: «Начало было так далёко, так робок первый интерес...»

В восемьдесят третьем Юрочка закончил журфак. Последние курсы он подрабатывал и много печатался. Гонорарами советская пресса своих работников не обижала. Можно было даже не состоять нигде в штате, не получать гарантированной зарплаты, но, если ты не ленился и много писал, денег тебе хватало и на хлеб с маслом, и даже на выпивку. А все остальные блага в Советском Союзе достать было невозможно или сверхтрудно (как, к примеру, личный автомобиль или кооперативную квартиру). Либо они, напротив, являлись практически бесплатными (такие как лечение, билеты в театры или отдых и экскурсии по профсоюзным путёвкам: за сущие гроши Юра побывал в Киеве и Пицунде, Риге и Сигулде, Ташкенте и Самарканде, Пскове и Михайловском).

Поэтому нелегко заработанные деньги он тратил в основном на еду и рестораны. И ещё снимал для себя крошечную, но двухкомнатную квартиру в панельной башне неподалёку от метро «Свиблово» – в квартире на Ленинском прочно обосновались мама с отчимом, а в калининградской хрущёвской «двушке» проживал отец с мачехой Мариной. Он же был взрослый, самостоятельный человек, выпускник университета. Мог себе позволить ежемесячно семьдесят рублей, примерно треть месячного заработка, отдавать за жильё.

По части трудовых успехов Юра подвизался сразу во многих тогдашних средствах массовой информации. Очень нравился ему двенадцатиэтажный небоскрёб с аршинными буквами «ПРАВДА» на крыше, напротив Савёловского вокзала. В нём с первого этажа до последнего сплошь располагались журналы и газеты, печатавшиеся в главном партийном издательстве «Правда», и от каждого из них молодое дарование охотно посылали в командировки и очень неплохо платили. Всего здесь было с десяток разнообразнейших изданий, суммарный разовый тираж которых составлял едва ли не двадцать миллионов экземпляров.

Двенадцатый этаж занимал, к примеру, сатирический журнал «Смехач». На четвёртом помещался иллюстрированный журнал «Красный огонёк», пятый занимали издания для женщин: «Ударница» (для горожанок) и «Колхозница» (для селянок). Имелся также профессиональный журнал «Работник советской печати» и иллюстрированный молодёжный, выходивший два раза в месяц, «Рабочая смена». А неподалёку, всего в трёх остановках на троллейбусе (метро в те края тогда не провели), находился ещё более высокий офисный билдинг с буквами на крыше «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», где кучковались издания, принадлежавшие Центральному комитету комсомола и потому имеющие молодёжную тематику. Там были редакции: «Техника для молодёжи» (которая столь несчастливо напечатала роман Кларка), «Юный ботаник», «Комсомольская учёба» и «Юный коммунист», и ещё как минимум два десятка изданий разной степени востребованности. Тиражи каждого из вышеупомянутых журналов колебались от (в самом худшем случае) тридцати тысяч экземпляров до трёх миллионов. Поэтому на гонорары они не скупилась. И если ты овладевал стилем соответствующего издания и мог с изяществом обходить самые острые темы (но при этом порой демонстрировать хотя бы видимость остроты), дело твоё было в шляпе. Очерки твои, корреспонденции и даже рассказы находили изрядный спрос.

Но требовалось, конечно, большое искусство, чтобы освоить правила тогдашней игры: о чём можно говорить, о чём категорически нельзя, на что разрешено намекать достаточно прозрачно, а о чём лучше упоминать туманно и экивоками. К примеру, запрещалось, даже в лёгкой форме, где бы то ни было говорить о нехватке продуктов питания (которая к началу восьмидесятых стала практически повсеместной). Так, возбранялось даже в беззубом юмористическом рассказе для журнала «Смехач» писать: «бутерброд с колбасой» – чтобы не возбуждать ненужные аллюзии. Но возможно было: «Бутерброд с килькой». Налагался запрет на вопрос, почему нет в продаже джинсов или модной обуви –

однако в то же самое время почему-то можно было освещать дефицит, скажем, туалетной бумаги или обоев. Разрешалось публиковать даже фельетоны о неаккуратной работе железной дороги и опоздании пассажирских поездов, но категорически не позволялось упоминать о любых недостатках в работе милиции, не говоря уж о преступлениях, например, о том, как менты обирают пьяных в вытрезвителях. Исключалась всяческая криминальная хроника. Хотя написать о каком-либо одиночном преступлении было можно – после десятков согласований с инстанциями. Впрочем, злодеяния, доступные для описания, тоже выбирались чрезвычайно придирчиво. Категорически нельзя было писать об убийствах, особенно совершённых маньяками типа Чикатило, а также об изнасилованиях, разбое, бандитизме. Дозволялось говорить о хулиганке – даже пьеса шла в Театре сатиры под названием «По двести шестой» (двести шестой была статья в Уголовном кодексе, карающая злостное хулиганство). Хорошо проходили в печать приписки и прочие злоупотребления работников торговли, а также взятки. Однако и речи не могло идти, чтобы описываемые преступления были крупными. А также, чтобы замешаны в них были партийные и советские руководители любого ранга.

Стерильные криминальные очерки, которые по странной прихоти назывались «фельетонами», хотя ничего смешного в них не бывало, охотно публиковал сатирический журнал «Смехач». Рубрики «Вилы в бок!» или «Из зала – сюда!» украшали едва ли не каждый выпуск издания. В коллективе со смехом пересказывали историю о том, как из редакции однажды отбили областному начальству стандартную телеграмму: «К вам выезжают корреспонденты журнала «Смехач». Просьба обеспечить жильём». Когда спецкоры прибыли в город, их, как положено, встретили на чёрной «Волге» и первым делом, ещё до гостиницы, повезли в прокуратуру. А там нагромоздили на стол папки: «Пожалуйста, вот, вот и вот. Как заказывали». Журналисты в недоумении развели руками: «Заказывали – что?!» И тут им предъявляют телеграмму из редакции: «Выезжают корреспонденты, просьба обеспечить ЖУЛЬЁМ» – на телеграфе вкралась опечатка.

Вот именно что жульё, очень точное слово, было одним из немногих разрешённых объектов критики в Советском Союзе: наряду с «несунами» (то есть теми, кто тащит с производства сырьё, продукцию и материалы), пьяницами, прогульщиками и мелкими спекулянтами.

Вообще система координат «что можно – что нельзя» была крайне затейлива. Например, нельзя было употреблять в печати слово «еврей». Можно «лицо

еврейской национальности» – но лишь в контексте: «Я, как лицо еврейской национальности, гневно осуждаю преступления израильской военщины». В то же время человек, выросший в советской системе, а потом проучившийся пять лет на журфаке и ходивший на практику в газеты, впитывал правила жизни всеми своими порами и жил в них естественно, как дышал. К примеру, все знали, что в Советском Союзе как бы не существует ни проституции, ни наркомании, не бывает никаких эпидемий (кроме гриппа) и полностью искоренён туберкулёз, не говоря о холере или чуме. Тщательной вивисекции подвергалась история. Решительно нельзя было даже упоминать фамилий множества вождей прошлого – ни в каком контексте. Имена Троцкого, Рыкова, Бухарина, Молотова, Кагановича, Хрущёва и многих присных были просто вычеркнуты из лексикона. Нет и не было никогда никакого Солженицына, Буковского, а в последнее время и Аксёнова, Тарковского, Любимова, а также Галины Вишневской, Мстислава Ростроповича и других артистов, которые уехали на Запад, вроде Савелия Крамарова или Олега Видова. Имя Сталина в печати строжайше дозировалось. Бесповоротно запрещено оно не было, однако его позволялось произносить только глубоко проверенным и укоренённым в системе пламенным писателям и публицистам вроде прочно забытых ныне Стаднюка или Анатолия Иванова. Таким образом, обо всём, что происходило в советской истории, начиная с тысяча девятьсот двадцать четвёртого года (смерти Ленина) и заканчивая годом шестьдесят четвёртым (воцарением Брежнева), говорилось с экивоками и грандиозными фигурами умолчания.

Когда Брежнев наконец умер (в ноябре восемьдесят второго) – «наконец» здесь употреблено не потому, что народ желал ему смерти, нет, народ своего «Лёню» хоть презирал, но любил, как любят обычно деревенского дурачка. Однако последние лет пять при виде «дорогого Леонида Ильича» всякий понимал, что товарищ не жилец, что ему трудно делать всё на свете: ходить, сидеть, говорить, дышать. Так вот, когда этот верный ленинец, наконец, отдал богу душу и к власти пришёл кагэбэшник Андропов, на короткое время народ подобрался, встряхнулся. Появилось мнение: этот возьмётся ежовыми рукавицами, наведёт порядок – а ведь и давно пора, с нами, разгильдяями, только железной рукой и можно. Тут же, в декабре восемьдесят второго, появились анекдоты (возможно, сочинённые в специальном отделе КГБ): например, Кремль теперь будет называться Андрополь. Или вот как будет звучать телевизионное новогоднее поздравление нового генерального секретаря советскому народу: «С Новым вас годом, товарищи, с новым, тысяча девятьсот тридцать седьмым годом!» Или: спрашивают у нового генсека: «Скажите, как вы думаете, народ за вами пойдёт?» – «Думаю, пойдёт». – «А если нет?» – «Тогда за Брежневым пойдёт».

Работники органов принялись в рабочее время устраивать облавы в кинотеатрах, булочных и парикмахерских – для поиска и последующего примерного наказания тех, кто в служебное время решает свои личные или хозяйственные дела. Пара замечательных юмористов – соавторов из «Смехача», Труфанов и Ивасин, – рассказывали зимой восемьдесят третьего Юрочке характерную историю: «Входят трое в булочную и говорят громко, чтоб всем слышно было: товарищи, просим оставаться на своих местах! К ним бросается мужичонка, в ноги падает: прошу вас, товарищи, не губите! Черт попутал! Жена болеет, я из НИИ своего выбежал для неё свежего хлебушка купить! Ради бога, не забирайте, на работу не сообщайте! А они: спокойно, товарищи, сейчас мы сосульки с крыши собьём, и пойдёте дальше по своим делам».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Подробнее об этих событиях читайте в первых трёх книгах тетралогии «Высокие страсти» Анны и Сергея Литвиновых: «Исповедь чёрного человека», «Сердце Бога» и «Бойтесь данайцев, дары приносящих».

2

С 1996 года – город Королёв.

Ныне Английская набережная.

Купить: https://tellnovel.com/litvinovy_anna/zdes-vam-ne-sakramento

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)